

[Polaris]

БРАСЛЕТ

ИЗИДЫ

Тайны Египта

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXX

Salamandra P.V.V.

БРАСЛЕТ ИЗИДЫ

Тайны Египта

Salamandra P.V.V.

Браслет Изида: Тайны Египта. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 74 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СXXX).

Тайны Египта – в сборнике «Браслет Изида». В книгу включены два небольших произведения: мистико-фантастическая повесть В. Келера (Келлера) «Браслет Изида» (1913) и «Ложка правой пирамиды» В. Мазуркевича (1914), написанная на стыке авантюрного и фантастического жанров.

Владимир Келер

БРАСЛЕТ ИЗИДЫ

Браслетъ Изиды.

I.

— Леша, видишь, по второму ряду проходит высокий господин, — кто это? Ты ведь всех почти знаешь.

— Это — Петров, Евгений Семенович. Его что-то давно не было видно. А почему ты обратила на него внимание?

— Помнишь, я тебе рассказывала о том, что случилось на прошлой неделе в театре? Ну ты, конечно, забыл. Мне почему-то кажется, что в этом скандале замешан Евгений Семенович... Познакомь меня, пожалуйста, с ним.

— Евгений Семенович — и какой-то скандал? Это, дорогая, несовместимо; да в чем же дело?

— Ты ужасно мало обращаешь внимание на то, что я тебе говорю, Леша, — обиженным тоном проговорила Ольга Платоновна.

— Ну не сердись, милая, а Расскажи мне еще раз, что случилось.

— Да вот: шло представление. Все было тихо. Вдруг дама, сидевшая в креслах рядом с Петровым, поднялась с места и, напевая что-то, пошла, шатаясь, по проходу. Все так и замерли, ожидая, что будет дальше. Пройдя несколько рядов кресел, дама остановилась, с удивлением оглянулась вокруг, сильно смутилась и упала в истерику на пол. Ее вынесли из партера.

— Что же тут особенного? Просто нервная особа.

— погоди, не перебивай. Минуты через две стоящий теперь у рампы вон тот толстый господин — а сидел он тоже около Петрова — тоже поднялся с места, протянул руку вперед, точно желая остановить кого-то, потом вскрик-

нул и хотел бежать. Его привел в себя барон Толь в увел из театра. За ними ушел и Петров... А кто же такой этот Петров?

— Очень богатый человек; говорит, служит в министерстве иностранных дел. Я с ним раньше часто встречался.

— Так познакомишь? Знаешь, приведи его в следующем антракте к нам в ложу.

В антракте Алексей Иванович отправился в фойе и вернулся, ведя под руку Евгения Семеновича.

— Моя жена, Ольга Платоновна. А вот тебе, Оля, и новый кавалер, — представил он жене немного сконфузившегося Петрова. — Моя жена ужасно любит, чтобы за нею ухаживали, а вы, кажется, мастер на это. Займитесь-ка, а мне нужно еще поймать одного знакомого.

Алексей Иванович вышел.

Ольга Платоновна, очень опытная в обращении с поклонниками, немедленно завела ничего не значащий разговор, а потом незаметно перевела его на случай в театре.

— На днях мне говорил Толь — вы знаете барона? — что его толстый приятель сам был очень удивлен тем, что проделал, и уверяет всех, что был под влиянием кошмара. Ему казалось, что он находится около какого-то храма и останавливает толпу... Ужасно странно! Что вы на это скажете?

— Меня больше поразила дама. Ее слезы так на меня подействовали, что я сейчас же ушел из театра. Потом, кажется, ничего не случилось?

— Ничего. Я видела, как вы уходили. Истерика производит всегда неприятное впечатление. Вы были так бледны, что на вас все смотрели и давали вам дорогу. Как все это странно! Мне муж говорил, что за последнее время вас нигде не видно. Что это вы на себя напускаете? Вы были заграницей? Где же? В Египте? Как интересно. Заходите, пожалуйста, к нам — я принимаю по воскресеньям... А знаете, приходите лучше в четверг, запросто, к обеду, мы обедаем в семь; у нас никого не будет, и вы мне расскажете о вашем путешествии. Хорошо?

— Спасибо, непременно приду.

— Кстати, чем это вы душитесь? Знакомый запах, — улыбаясь, перебила его Ольга Платоновна. — Никак не могу вспомнить название.

Для прояснения памяти она потерла лоб и вопросительно взглянула на собеседника.

Евгений Семенович не отвечал.

— Что-то удивительно знакомое, — говорила с расстановкой Ольга Платоновна. — Где это так пахнет?.. Да, да, я вспоминаю... большой храм... идет какое-то служение... горят лампы... дымят курильницы... играют арфы... где-то поют... Со мной делается что-то странное... Боже, мне нехорошо! Извините меня... Где муж? Сходите скорее за ним, надо ехать домой...

Как только Евгений Семенович вышел, Ольга Платоновна пришла в себя и сказала вошедшему встревоженному Алексею Ивановичу, что все прошло.

— Ужасно душно сегодня в театре... Какой милый этот Евгений Семенович. Я его звала к нам обедать в четверг. Ты, кажется, обедаешь дома? Знаешь, у него что-то странное в глазах. Сколько ему может быть лет?

Алексей Иванович улыбнулся:

— Тебе-то не все ли равно?

— Конечно, все равно; на вид он очень молод, а в глазах у него такое выражение, будто ему лет сто и даже больше. Мне кажется, что я его где-то видела, когда была еще девушкой.

Хотя Ольга Платоновна и заявила мужу, что чувствует себя прекрасно, но она часто вздрагивала и пожимала плечами.

Вернувшись домой, Ольга Платоновна долго перебирала в памяти всех знакомых, стараясь вспомнить, где она раньше встречала Евгения Семеновича.

— Положительно я его где-то видела, или он мне кого-то напоминает, — говорила она мужу, уже лежа в постели. — А душится он чем-то знакомым, но чем — не могу вспомнить; пахнет чем-то смолистым.

— Ладаном, вероятно, — сон пробормотал Алексей Иванович.

— Ха-ха-ха, ладаном, — засмеялась Ольга Платоновна. — Но ведь ладаном курят только в церкви, им не душатся... Ага, вспомнила: знаешь, Леша, чем пахнут духи? Миром, которым помазывают в церкви... Да, да, но к нему еще что-то прибавлено.

— Спи пожалуйста, Оля, — пробурчал недовольным голосом заснувший было Алексей Иванович.

II.

Евгения Семеновича почему-то влекло к Ольге Платоновне, и поэтому, несмотря на то, что он за последнее время нигде не бывал, он явился в четверг к обеду.

В конце обеда разговор коснулся происшедшего в театре.

— Не понимаю, как это вас может так долго интересоваться истерика какой-то дамы? От духоты в театре бывают и обмороки, а истерика — явление вполне естественное, в особенности в наше время, — проговорил самоуверенным тоном Алексей Иванович.

— Быть может, ты и прав, Леша. Помнишь, со мной прошлый раз в театре от духоты случилось что-то странное, вроде какого-то обморока. Я даже думала, что захворала. Но, по моему, есть случаи, которые не всегда можно объяснить нервами. Пойдем, однако, в кабинет. Там, кстати, и камин топится. Вы, вероятно, курите, Евгений Семенович?

Перешли в кабинет и расположились в креслах возле камина.

Подали кофе. Мужчины закурили сигары. Ольга Платоновна смотрела на раскаленный кокс в камине и о чем-то думала. Все сидели молча.

— Однако, жарко, — проговорил Алексей Иванович и перешел на диван.

— Какие это у тебя сигары, Леша?

— А что?

— Страшно ароматичные, но запах совсем не сигарный.

— Что ты, милая. Сигары как сигары. Впрочем, это новый сорт — я взял сегодня на пробу и не ручаюсь за их достоинство. Вы что скажете, Евгений Семенович?

— По-моему, сигары недурны, хотя действительно чересчур ароматичны... Вероятно, это...

— Ты, Оля, права, — перебил вдруг гостя Алексей Иванович. — Запах этих сигар совершенно необыкновенный... Да интереснее всего, что этот странный запах идет от сигары Евгения Семеновича... Пойдем-ка лучше в гостиную — здесь очень накурено.

Ольга Платоновна поднялась с кресла, но сейчас же опять села и схватилась руками за виски.

— Леша, дай скорей воды, со мной делается то же, что в театре!.. Охота вам курить сигары...

Алексей Иванович бросился было в столовую за водой, но остановился.

Вся комната быстро наполнилась дымом, который совершенно окутал Евгения Семеновича.

Он делал невероятные усилия, чтобы отодвинуться от разгоревшегося камина, но не мог пошевелинуться.

— Евгений Семенович, вы, кажется, горите! — воскликнула Ольга Платоновна. — Смотрите, над вами свет... голубой свет... Леша, гляди, гляди... в свету женщина... она грозить пальцем Евгению Семеновичу... она идет ко мне... она мне что-то говорит... Боже, она меня целует... Леша, Леша, она меня обнимает!.. Вот ужас, она проникла в мое тело!.. Ой, сердце!..

Ольга Платоновна что-то еще проговорила, прижала руки к груди и смолкла.

Алексей Иванович стоял среди комнаты совершенно растерянный, — его что-то приковало к полу.

Через несколько секунд Ольга Платоновна опять заговорила, но совершенно другим голосом:

— Готек, сейчас кончится пение, мне надо начинать...

Она вся потянулась и заложила руки за спину.

— Почему не слышно кемкема? Что это арфы так тихо играют? Готек, прикажи играть скорее! Вот так...

Ольга Платоновна совсем преобразилась: серые глаза ее потемнели, ноздри расширились и, поднявшись с кресла, она, плавно покачиваясь, двинулась на середину комнаты, протянула вперед руки и начала танцевать.

— Готек, скорее, скорее! — время от времени говорила Ольга Платоновна и стала метаться по комнате из стороны в сторону.

Временами она останавливалась, нагибалась и что-то поднимала с пола.

Хозяин и гость смотрели на нее безмолвно, — они оцепенели от неожиданности. Евгений Семенович изо всей мочи сдавил пальцами ручки кресла, словно боясь, что и его сорвет с места сила, овладевшая Ольгой Платоновной. Глаза его горели; губы шевелились, как будто он беззвучно подпевал танцу.

Вот Ольга Платоновна закружилась на месте, волосы ее распустились и, как змеи, обвилились вокруг тела.

Вдруг в комнате раздался треск. Она вздрогнула и остановилась. Кто-то жалобно вскрикнул.

Дым сразу рассеялся, и все очнулись.

Хозяева дома растерянно глядели друг на друга.

Евгений Семенович, разорвав левый рукав рубашки, старался снять с руки браслет. Лицо его было страшно бледно.

— Что с вами? — бросился к нему Алексей Иванович.

— Ради Бога, не мешайте! Дайте скорее холодной воды!

Алексей Иванович быстро принес воду.

Евгений Семенович выхватил у него из рук стакан и опустил в него снятый с руки золотой обруч. Из обруча вывалилось несколько кусочков голубого камня.

Евгений Семенович вынул браслет из стакана, посмотрел на него, нахмурился и молча стал прощаться с хозяевами. Он был очень расстроен.

— Куда вы? Что с вами? Да вы совсем больны! Взгляните на себя в зеркало! Мы вас не выпустим! Оставайтесь и

объясните, что все это значит! — говорили смущенным голосом Ольга Платоновна и Алексей Иванович.

Евгений Семенович что-то пробормотал и сел к столу.

Он имел такой удрученный вид и так печально смотрел на Ольгу Платоновну, что она, хотя и была сама взволнована происшедшим, подошла к мужу и шепнула:

— Леша, выйди в другую комнату, я постараюсь его успокоить.

Она закрыла дверь за вышедшим Алексеем Ивановичем, подошла к своему гостю и робко села рядом с ним в кресло.

— Ну, что с вами, Евгений Семенович? Успокойтесь, ради Бога. Покажите мне, что это вы положили в стакан? Мне показалось, что это какой-то браслет. Чего вы опустили голову? Что вы на меня так смотрите? Не понимаю, что со мной сделалось... этот свет и женщина... Да мне все это, верно, показалось... Вы ужасно закурили сигарами, я была, как в чаду... Ну, расскажите, что с вами? Что вас так беспокоит, и почему вы смотрите на меня такими странными глазами? После долгих увещаний Ольги Платоновны Евгений Семенович как будто немного успокоился.

— Благодарю вас за внимание, Ольга Платоновна. Извините, что я невольно причинил вам столько хлопот, но то, что здесь случилось, меня чрезвычайно беспокоит.

— Неужели я вас так напугала? Это все ваши сигары виноваты. Простите меня.

— Виноват я, Ольга Платоновна, и сигары тут ни при чем. Господи, что я наделал!..

— Ну, не волнуйтесь, ради Бога.

— Вы не понимаете, Ольга Платоновна, что сейчас произошло. То, что вы видели — этот свет и эта девушка — вам не показалось... Вы это действительно видели. Танцевали не вы, а девушка, которая временно завладела вашим телом.

— Что? Завладела моим телом? Господи, что вы говорите!

Ольга Платоновна отодвинулась от Евгения Семеновича.

— Не бойтесь, — больше ничего не случится, а если что и будет, то, конечно, не здесь.

— Да что вы, Бог с вами... Я позову Лешу... Я боюсь...

— Погодите немного.

— Ну так объясните, пожалуйста, в чем дело. Впрочем, лучше я позову мужа.

— Послушай, Леша, что говорит Евгений Семенович, — сказала она мужу, открывая дверь. — Мне даже страшно становится.

— Мне кажется, что у нас сегодня произошло что-то более чем странное, — проговорил Алексей Иванович, входя в кабинет.

— Пусть Евгений Семенович нам все объяснит. Ему самому легче будет. Садись на диван рядом со мной, Леша, и не кури своих сигар. Нечего хмуриться. Покажите-ка мне ваш браслет, Евгений Семенович, и рассказывайте.

Евгений Семенович достал из кармана браслет и передал его Ольге Платоновне. Потом, подумав немного, он спросил:

— Скажите, знаете вы Пильмана, старьевщика?

— Нет, не знаю.

— Этот браслет я купил у него.

III.

— Лавка Пильмана находится в одном из переулков, выходящих на Вознесенский проспект. Чего только в ней нет: старая бронза, скатанные ковры, оружие всех сортов, разная мелкая мебель, фарфоровые вазы, старинные картины, разрозненные сервизы, гравюры, куски яркого шелка — все перемешано, свалено в кучи или разложено по отдельным столам.

В глубине лавки, в углу, стоит железный несгораемый шкаф, а перед ним — стол, за которым занимается хозяин.

Пильмана считают евреем. На самом ли деле он еврей — неизвестно; он скорее походит на грека или индуса и

имеет такой вид, что никто не определил бы наверняка его национальности.

Зимой Пильман все дни проводит в лавке, а летом куда-то уезжает. Говорят, что он ездит скупать вещи.

Все любители старинных вещей в Петербурге знают лавку Пильмана. Всем известно, что он умеет угодить покупателю. Пильман помнит историю каждой продаваемой вещи, рассказывает ее посетителю, и редко бывает, чтобы зашедший к нему уходил с пустыми руками. Старьевщик знает толк в вещах, а еще лучше знает человеческое сердце. Если какому-нибудь любителю нужно купить что-нибудь редкое для подарка — он идет к Пильману, уверенный, что купленная вещь понравится тому, кому она предназначена.

Хотя Пильман, по-видимому, торгует только старинными вещами и редкостями, но на самом деле он продает лучшие драгоценные камни, и интересные камни можно найти только у него. Почти все они старинной грани и редкой формы. Откуда они к нему попадают — никто не знает, да и не спрашивает.

Нельзя, однако, поручиться, что придя в лавку Пильмана для покупки камней, их непременно увидишь и приобретишь то, что нужно.

Пильман продает только то, что хочет, а не то, что у него намеревались купить. По первому взгляду на вошедшего в лавку покупателя он уже создает о нем свое мнение, а в разговоре с ним — определяет характер вещи, которую нужно показать, чтобы удовлетворить его желание. Иногда он отказывается показывать драгоценные вещи, ссылаясь на то, что они все распроданы. Это случается, когда покупатель ему почему-либо не нравится. Если же посетитель лавки, по определению Пильмана, знает толк в камнях и любит их, то открывается железный шкаф, и оттуда выкладываются скрытые в нем старинные браслеты, кольца, ожерелья и отдельные драгоценные камни. Несмотря, однако, на громадный выбор камней и украшений, у него никто никогда не видал ни одной жемчужины — он их не любит и не держит в лавке.

— Зашел как-то к Пильману и я, — рассказывал Евгений Семенович, — и почему-то сразу ему понравился. Шкап открылся, и на столе заблестели положенные на отдельные тарелочки камни всех цветов. Не было только брильянтов, рубинов и, конечно, неприятных хозяину жемчугов.

Осмотрев внимательно камни, я обратился к Пильману:

— Камни очень хороши, Пильман, но мне хотелось бы купить или нитку жемчуга, или хороший брильянт. Только старый. В старину гранильщики знали, как надо шлифовать камни, — правда?

— Правда, господин, но почему ты хочешь купить жемчуг? Ведь жемчуг — слезы. Зачем тебе слезы? Ты купи то, что я тебе покажу. Перед Богом говорю — не покупай жемчуга. Разве ты не слыхал, что он приносит несчастье? Я не хочу, чтобы твоя милая умерла. Вот смотри, вся лавка в твоём распоряжении — выбирай, что хочешь. А может быть, тебе и в самом деле нужен старый брильянт?

Тут Пильман остановился, а потом шепотом добавил:

— Ты знаешь, он светится и в темноте. Вот, бери, гляди, держи его так. Ты умеешь обращаться с камнями. Вах, вах, кто научил тебя этому? Я тридцать лет сижу в лавке и вижу в первый раз, чтобы покупатель знал настоящий толк в камнях и умел с ними обращаться. Извини, господин, я всегда говорю правду. Бери этот камень — видишь, как он сверкает? Или вот этот; он, правда, желтоват, но зато какая игра! Что скажешь, господин? Не нравится? Уф, ну я покажу тебе камни, какие я редко показываю.

Пильман достал из шкапа коробочку и высыпал из нее на блюдце разные камни и кольца, а потом обратился ко мне:

— Что, хороши? Звезды, а не камни. А эти рубины? Кровь, настоящая кровь Стар я, господин, силы ушли от меня, а как взгляну на эти камни, так и помолодею. Посмотри на меня: мое лицо в морщинах, руки совсем высохли, нет у меня сил, а клянусь тебе, что взглянув на камни, я ожил — меня помолодил цвет этих рубинов. Что, по-твоему, лучше, господин: этот рубин или этот брильянт? Оба горят и оба светят-

ся. Ну, конечно, рубин. Вот это камни. Смотри, как горит рубин. Вот он — огонь любви. Гляди на это кольцо. Видишь, как сверкает? Рубин — это женщина, а рядом блестит брильянт — это ее возлюбленный. Как он играет и переливается всеми цветами! Смотри, как красный цвет рубина отражается в нем. Поверни кольцо, вот так. Видишь, брильянт покраснел, в нем зажглись красные огни, он весь загорелся — он горит любовью. Вот она, душа камней, — понял, господин? Да, в любви нет законов — все правила и запреты сгорают в ее пламени, как солома. От любви брильянт сделался красным, а рубин засверкал, как звезда, — все перепуталось, все смешала любовь. Вот это драгоценные камни, а не те, что лежат на блюде. Впрочем, для непонимающих те тоже драгоценны. Смотри, вот сапфир. Ну, что в нем? Синее стекло, а это лучший из сапфиров, которые я знаю. Где у него душа? Шлифовка хорошая, он сделан хорошо — верх круглый, пузатый, совсем как брюхо муллы, а блеск холодный... Зато важности сколько — совсем как у муллы. Положи его, господин, — не стоит на него смотреть. Ну, а этот изумруд? Ну, что в нем? Правда, он горит, как горят глаза змей. А что в них хорошего? Все это дрянь, все это стекло, а не камни. Я вижу, ты глядишь на браслет. Ну, что ты нашел в нем хорошего? Ведь в нем камня нет. Интересный браслет, господин. О, я вижу, ты знаешь толк в вещах.

Пильман умолк и, взяв браслет в руки, стал его рассматривать.

— Браслет, как видишь, золотой, в виде скобы, весь испещренный иероглифическими надписями, расположенными вокруг большого голубого камня вроде бирюзы. Посмотри на камень, господин. Это не бирюза, это — старинная египетская мастика, а браслет дутый, пустой, как и теперь иногда делают. Надень его на руку. Вот так, выше. Теперь подыши на него. Дыши на камень. Подольше... Согрей его еще... еще... Ну, теперь хорошо. Гляди теперь на камень. Видишь, на нем появилось женское лицо?

— Да, вижу.

— А ты слышишь запах от браслета?

— Да, он пахнет какой-то смолой.

— Это — редкая вещь, господин. Я его не продаю. Такого браслета ты нигде не найдешь. Ты любишь редкие вещи — я вижу, у тебя и глаза заблестели. Ну, хорошо, я тебе его, пожалуй, продам, если дашь, сколько за него спрошу. Согласен? Эх, жалко мне с ним расставаться.

Пильман взглянул на браслет, потом взвесил его на руке и назначил за него такую цену, как будто мастика была драгоценным камнем.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул я.

— Есть деньги — бери, а нет — не надо. Я не торгуюсь, — и с этими словами Пильман положил браслет в карман и стал быстро собирать разложенные на столе камни и другие вещи и укладывать их в шкаф.

Браслет меня настолько заинтересовал, что, подумав немного, я заявил старьевщику, что покупаю браслет.

— Я знал, что ты его купишь, господин; редкий браслет; второго такого нет. Я его купил вместе с другими вещами в Риме у одного разорившегося знатного юноши. Ты удивляешься и не веришь? Ну, где я только ни бывал, господин... Стар я... Слушай, что я тебе скажу. Ты еще молод, а уже знаешь толк в вещах. Ты очень хорошо сделал, что купил браслет. Ты улыбаешься, ты думаешь про себя: «все врет, старый жид», а я и не жид, господин, — нет. Слушай, если ты разберешь вырезанную на браслете надпись и сумеешь ею воспользоваться, то сам увидишь, что недорого дал за браслет. А надпись ты разберешь — ты знаешь толк в вещах. Не хотел я продавать браслет, а продал. Вот как бывает в торговле. Моя первая жена никогда не расставалась с этим браслетом, она его носила на левой руке. Она его считала священным. Она, знаешь, почти разобрала надпись, но умерла, бедная... Алла, Алла, давно это было... Если тебе браслет не понравится, то верни его через месяц или два — я возьму его обратно с маленькой скидкой. Это говорю я — Аджи Абдураман, а не Пильман, как меня здесь называют. Заходи ко мне почаще в лавку — у меня много интересных вещей. Редкую вещь купил ты, господин, а

хотел купить жемчуг. Ну, что жемчуг? Слезы, а браслет...
гм... До свиданья, господин.

IV.

«Надо показать эту надпись какому-нибудь египтологу и попросить перевести ее на русский язык. Это самое простое, а разгадать ее значение будет, конечно, мое дело», — думал я, возвращаясь от старьевщика.

Дома я прошел в кабинет, уселся к столу, вооружился увеличительным стеклом и стал срисовывать вырезанные на браслете иероглифы.

Мне очень долго пришлось возиться с рисунком — многие знаки были почти стерты, — но все, что можно было разобрать, было тщательно занесено мною на бумагу.

Окончив рисунок, я спрятал его вместе с браслетом в стол и отправился к приятелю сообщить ему об интересном приобретении.

Приятель мой, большой скептик, — конечно, поднял меня на смех.

— Пильман тебя просто надул. Он заинтересовал тебя рассказом о надписи и о жене, а раньше, конечно, наговаривал чего-нибудь — ты и попался. Ведь всем известно, что Пильман действует на покупателей гипнозом. Это — самый обыкновенный браслет. Их делают сотнями в Тунисе для местных женщин. Вместо бирюзы вставлен кусок голубого шлифованного стекла, на котором при дыхании, как на магических зеркалах, — которые — знаешь, — продают для детей, — появляется какое-нибудь изображение. Неужели ты этого не знал? А еще коллекционер! Денег девать тебе некуда. Пойди, отдай браслет Пильману, да в другой раз не будь таким наивным, не слушай его болтовни.

Своими объяснениями и дальнейшими разговорами приятель совершенно разочаровал меня в покупке.

«Ну уж и Пильман, ловко меня заговорил, — думал я, возвращаясь к себе. — Завтра же верну браслет и выругаю старого мошенника. Сколько раз давал себе слово не покупать старья, а как увижу что-нибудь мало-мальски интересное, так и готов — забуду всякую осторожность и попадусь. Обязательно верну браслет, хотя сразу и неудобно. Ну, да все равно, стесняться нечего».

С таким решением я подошел к дверям своей квартиры и вошел в переднюю.

В ней пахло какими-то бранными духами.

— Был кто-нибудь? — спросил я лакея.

— Никого не было.

— Никого? Ну хорошо, дай чаю.

Я прошел в кабинет — здесь запах духов был сильнее, — подошел к столу, достал браслет и стал его рассматривать.

«Вот это чем пахнет», — подумал я и несколько раз дохнул на камень. Потом я подумал, что было бы хорошо нагреть его для усиления запаха, и сначала подержал браслет над стаканом горячего чая, а затем опустил наполовину прямо в стакан.

Издаваемый браслетом запах стал удушливым.

На камне появилась резко очерченная женская головка с нахмуренными бровями; глаза ее зло смотрели на меня.

Я вздрогнул и положил браслет на стол.

Взяв бумагу, я начал на память зарисовывать лицо и думал набросать его в несколько минут. Но, несмотря на все старания, ничего не выходило.

«Надо срисовать с натуры, — это вернее», — подумал я и положил браслет перед собой. Взглянув на камень, я удивился — глаза смотрели на меня приветливо.

Я протер себе глаза и, взглянув еще раз на камень, увидел, что на лице девушки появилась улыбка. Сначала я остолбенел, а потом схватил карандаш, чтобы рисовать, но изображение на камне пропало.

«Ну, нет, браслета я Пильману не верну — интересная штука; это не детское зеркало, как говорит Андрей. Не могу представить себе, однако, в чем тут дело? Если это и фокус вроде зеркала, то он хорошо сделан. А перемена в вы-

ражении лица? До чего додумались люди! Право, не жалко и денег. И хитер же Пильман! Надо, однако, кончить рисунок».

Взяв в руку браслет, я опустил его в теплый чай так, что камень остался вне жидкости и, выжидая появление лица, стал опять рисовать иероглифы.

Вскоре на камне снова появилась женская головка. Она приняла суровое выражение, брови ее нахмурились, губы зашевелились. Но вот она пропала. От камня пошел какой-то голубой блеск, какое-то бледное сияние поднялось кверху, и я увидел в нем просвечивавшую женскую фигуру в странной одежде. Лицо ее было прекрасно. В комнате стало душно: казалось, от видения шел сильный зной; дышать было нечем.

Видение заговорило, но я разобрал только слова: «туай... анх... туай... анх...» — и погрузился в дремотное состояние, успев, однако, вынуть браслет из стакана.

Я очнулся не скоро.

Скользнув взглядом по письменному столу, я взглянул на браслет. Он был таким же, каким я купил его у Пильмана, только в середине камня виднелось розовое пятнышко. Оно приходилось как раз на том месте, где была щека появившегося на камне лица.

«Это Бог знает что такое. Лучше оставить браслет и лечь спать».

Повторяя слова «туай...анх... туай... анх», я быстро разделся и лег.

V.

— На другой день я отправился к знакомому профессору-египтологу.

Он перевел мне часть надписи, но многие знаки были и для него непонятны.

— Это какие-то незнакомые мне слова — иероглифы древнего, неизвестного нам языка; по-египетски они произносятся так, а что они значат — этого я вам сказать не могу.

Я записал все слова, как их произносил мой ученый знакомый, и пошел в Пильману, чтобы спросить его, не знает ли он чего-нибудь еще про браслет и надписи. Мне хотелось также узнать, чем он объясняет все связанные с нагреванием браслета явления.

Пильман выслушал меня очень внимательно и, когда в рассказе своем я дошел до появления света из браслета и в нем — женской фигуры, он посмотрел на меня как-то странно и перебил меня насмешливым тоном:

— Ты был вечером у знакомого, говоришь ты? Да, многое может случиться после беседы за ужином, господин. Запах браслета и я чувствовал, видел также лицо девушки на камне, но то, что ты мне рассказываешь, это не то, что я видел. Правда, я не грел браслет, а ты его грел, да еще ночью, да чертил заклинание, — а ведь это все равно: производить их или чертить. Странную вещь ты мне рассказал, господин. Жена говорила мне что-то похожее на то, что ты сейчас рассказал, но я ей не верил, — думал, что она это во сне видела. Ты знаешь, господин, женщин: им всякая глупость во сне видится. Ну, а ты — это другое дело... Да, да, интересный браслет. Но как узнать, почему является девушка — сказать трудно. Прочел ли ты надпись, господин?

— Часть надписи мне перевели, а часть — нет. Написаны какие-то слова, смысл которых совершенно непонятен.

— Что тебе перевели?

— Перевели: «Приди, сестра, зовет Готек», — а дальше что-то уже совсем непонятное, нельзя перевести.

— Дальше нечего и переводить — я понял, господин. Непонятные слова — это заклинание на каком-нибудь древнем египетском наречии... Знаешь, что я тебе скажу: отдай мне браслет обратно — я верну тебе деньги; и то про Пильмана говорят, что он заговаривает покупателей и заставляет их брать всякую дрянь, а тут заговорят и не знаю что... Не хочешь? Дело твое. А если хочешь добраться до смысла бра-

слета и надписи, то надо тебе, господин, по-моему, вот что сделать: поезжай туда, где сделан браслет. А скажи, зачем тебе знать смысл надписи, господин? Интересно? Да. Не всякий может добраться до смысла и простых вещей, господин, а ты хочешь разгадать неизвестное. Это потруднее... Ну, слушай: браслет я купил в Риме; туда ехать незачем, в Рим он попал случайно; надо ехать в Египет — браслет сделан там. Теперь хорошо в Египте. Поезжай-ка туда, у тебя денег много. Если поедешь — зайди ко мне, я скажу, куда ехать и к кому обратиться: у меня есть знакомые в Каире, да везде есть знакомые, господин.

VI.

Поданная мне Пильманом мысль — ехать в Египет, чтобы узнать на месте о происхождении браслета, мне понравилась. Я давно собирался проехать по Нилу, а ехать туда с какой-нибудь целью, конечно, заманчивее, чем просто для удовольствия.

Несколько вечеров подряд я нагревал браслет и, вместо того, чтобы рисовать иероглифы, произносил на память слова, которые сказал мне египтолог.

Каждый раз нагретый браслет наполнял комнату удушливым запахом, и каждый раз в столбе света появлялся призрак женщины. Но когда я пробовал проделывать то же самое днем, то ничего не выходило.

К появлению очаровательной женщины я так привык, что не мог прожить без нее нескольких дней. Она улыбалась мне так печально и вместе с тем так нежно, что я не мог забыть ее ни на минуту. Я полюбил ее, она сделалась мне родной, мне казалось даже, что мы давно-давно жили где-то вместе.

Сидя дома, я все время думал, чем бы все это объяснить. Иногда мне казалось, что я схожу с ума, но то, что призрак

появлялся только ночью, меня успокаивало — не мог же я сходить с ума только по вечерам! — а чувство родственной любви к призраку я объяснял себе тем, что лицо являвшейся мне женщины было очень похоже на лицо моей бабушки в молодости. Я очень любил свою бабушку, — она меня и воспитала.

Наступил январь. Можно было ехать в Египет. Я стал часто бывать у Пильмана и советовался с ним относительно поездки.

Пильман оказался очень знающим и толковым человеком. Неоднократно я давал ему браслет, чтобы он вызвал призрак девушки. Он нагревал его, произносил заклинание, однако — бесплодно. Правда, на камне всегда вырисовывалось лицо, и браслет, как всегда, издавал запах, но призрак не появлялся. Когда же я брал в руки браслет и нагревал его, произнося заклинание, то являлась девушка и глядела на меня всегда вопросительно и ласково. Она повторяла слова «туаи... анх... туаи... анх», что в переводе египтолога означало: «сегодня жизнь», — и затем исчезала.

Пильман так заинтересовался происходившим, что в конце концов решил ехать со мной в Египет.

— Едем вместе, господин. Я тебе продал браслет, я и должен помочь тебе добиться, в чем тут дело. Этот браслет старинный, египетский, а мало ли что знали египетские жрецы! Много тайн унесли они с собою. Ведь они владели неведомыми нам силами. Разве мы знаем, что было им известно и что они могли делать? Едем в Египет, господин, — мы разберем, в чем дело. Мне ясно уже одно — что твоя душа замешана в истории этого браслета.

В конце января мы отправились.

У Пильмана везде были знакомые. Все торговцы древностями были его приятели. И пока я осматривал музеи, Пильман куда-то исчезал. Иногда он пропадал по целым дням и на вопросы мои, как и где он проводил время, обыкновенно отвечал: «Ходи, смотри, тут много интересного, а я занимаюсь делами»; как-то раз добавил: «Хорошо, что мы вместе поехали, господин, — один ты бы никогда не добрался до тайны браслета. Дай-ка мне его на сегодня». Я,

конечно, дал браслет Пильману. Это было днем. Вечером Пильман не пришел к себе в номер, да и на другой день тоже (мы жили в гостинице рядом). Я зашел к его приятелю, торговцу древностями, чтобы что-нибудь узнать о нем.

— Как же, как же, он говорил мне, что ты непременно зайдешь ко мне справиться. Он уехал дня на два с каким-то проводником. Не бойся, он скоро вернется. Он говорил мне, что напал, кажется, на след того, что так интересует вас обоих.

Через неделю к вечеру Пильман вернулся, весь в пыли. Он казался страшно усталым.

— Едем, господин, — здесь мы ничего не узнаем; надо ехать в Омбо. Там живет старик, с которым я познакомился и который поможет нам добраться до происхождения и тайны браслета. Сам он копт. Между ними, говорят, есть такие, что знают все тайны древних магов и уж, конечно, знают все древние сказания. У моего знакомого, по слухам, есть кольцо с синим камнем, обладающее свойствами твоего браслета.

В Омбо Пильман познакомил меня со своим новым другом, старым коптом, который жил недалеко от развалин храма.

— Если уж этот старик нам не поможет, то надо ехать обратно в Россию, — говорил мне Пильман. — Он хорошо говорит по-английски, знает египетский язык, читает иероглифы, и про него говорят, что он знает все, что знали древние египетские жрецы.

VII.

Старик Онуфрий встретил нас очень любезно и провел в прохладную, устланную коврами комнату. Мы сели, и хозяин заговорил с Пильманом. Они говорили, вероятно, обо мне, потому что старик несколько раз бросал на меня любо-

пытные взгляды.

Когда мы выпили кофе, старик попросил меня показать ему браслет. Я снял его с руки и передал ему. Он внимательно его рассмотрел, быстро разобрал и прочел иероглифическую надпись и, вернув мне, попросил нагреть и произнести заклинание.

Я спросил теплой воды и проделал все, что делал раньше.

Когда по комнате распространился смолистый запах, хозяин стал усиленно вдыхать воздух; он сразу как-то помолодел и глаза его загорелись юношеским блеском.

Когда же в столбе света появилась прозрачная фигура девушки и проговорила обычное «туаи... анх», он произнес что-то на непонятном языке; видение ему ответило и скрылось.

Старик молча подошел к окну и стал смотреть по направлению развалин храма.

Была темная ночь, огни везде были уже погашены, и только вокруг развалин носились какие-то светлые призраки.

Старик одной рукой оперся мне на плечо, а другую протянул к храму и запел торжественную песню.

Окончив пение, он вышел из комнаты и вскоре вернулся с небольшим ящиком под мышкой. Он сделал мне и Пильману знак следовать за ним.

Мы вышли из дома и скоро дошли до развалин храма.

Широкие полуразбитые ступени вели в разрушенную залу.

Пошарив между разбросанными камнями, старик зажег факел и повел нас внутрь храма. Дойдя до уцелевшей стены, он остановился — дальше идти было некуда.

Осветив факелом высеченное в стене изображение бога Себака — бога вечности — старый копт нажал его руку, державшую крестообразный знак ключа жизни.

Послышался легкий скрип раздавленного песка, и камень с изображением бога дрогнул и тихо повернулся.

Старик смело вошел в открывшийся проход; Пильман и я последовали за ним.

Через несколько шагов Онуфрий остановился, уперся рукой в стену, надавил, вероятно, какую-нибудь пружину, и я услышал, что камень сзади нас повернулся и стал на свое место — проход в коридор был закрыт.

— Алла Керим, Алла Керим, — шептал Пильман.

Старик молча шел дальше.

Пол коридора, сначала ровный, стал круто опускаться.

Мы шли довольно долго и наконец остановились перед бронзовой дверью. Отодвинув засов, мы вошли в какую-то залу.

— Пойдите немного на месте, я сейчас зажгу лампы, — проговорил наш проводник и, оставив нас одних в темноте, куда-то скрылся.

Через несколько минут помещение, в котором мы находились, стало постепенно освещаться загоравшимися в разных местах светильниками.

Скоро стало довольно светло.

Мы стояли в большой зале, среди которой шло два ряда колонн, подпиравших потолок. Все стены и потолок были украшены высеченными на них фигурами и сценами из древнеегипетской жизни. Прямо перед нами, в глубине залы, стоял трон, а на нем сидела статуя какого-то божества.

— Идите вперед, ближе к богу времени, — раздался откуда-то голос.

Мы тихо подошли к статуе с головой крокодила. Мне показалось, что глаза бога были уставлены на меня.

— Я сейчас помолюсь и принесу богу жертву, — проговорил старик, выходя из-за статуи в древнегреческом одеянии.

Все лицо старика преобразилось: в нем видны были могущество и страшная воля.

Он подошел к Пильману и посмотрел ему в глаза:

— Спите, — сказал он, — вам лучше спать.

У Пильмана немедленно опустились веки, он лег на пол и тотчас заснул.

— Вы были когда-то гордым жрецом этого храма, — сказал мне старик. — Если душа ваша уже очистилась, и вы достойны предстать перед великим Амуном, то я буду в си-

лах показать вам то, чего еще никто из непосвященных не удостоился видеть. Вы увидите часть своей прежней жизни.

Он подошел к курильнице, стоявшей перед тронем, зажег лежавшие в ней уголья и начал вполголоса молиться:

— Непостижимый, ты, одно из лиц четырехединого, нераздельного Амуна, взгляни на меня благосклонно. О бог вечности, помоги мне, заставь время идти назад. Тебе, Амун, я приношу жертву. О, помоги мне, Великий.

Окончив молитву, старый жрец разложил ковер возле курильницы, поставил на него принесенный из дому ящик и сел у ног бога времени. Достав из ящика пучок какой-то травы, Онуфрий бросил ее в курильницу. Она стала тлеть на горячих угольях. Тонкими струйками поднимался от курильницы к потолку залы душистый дым, и скоро его собралось целое облако. Старик подбросил в курильницу еще чего-то, вспыхнуло пламя — и в зале распространился совершенно такой же аромат, какой издавал при нагревании мой браслет.

— О нераздельный Амун, помоги! Время, вернись! Пламя падает — время, пади, — шептали губы жреца.

Пламя в курильнице погасло. Стало темнее.

Я взглянул на статую Себака. Ключ жизни качался в ее руке; глаза крокодила горели.

Старик еще что-то бросил в курильницу и обвел глазами залу. Вдруг все высеченные на стенах фигуры зашевелились.

Я видел, как они ожили, как стали сходить с мест и подходить к божеству.

Они становились перед ним на колени и протягивали к нему руки.

Я закрыл глаза, боясь взглянуть на этих вернувшихся к жизни людей. Мне слышался их говор, и я чувствовал, что они ко мне подходят.

Все стихло.

Приподняв немного веки, я увидел себя в кругу людей, лица которых были мне страшно знакомы.

Они стояли около меня и взглядами о чем-то просили. Поняв их желание и повернувшись лицом к божеству, я поднял руки и громким голосом начал молиться. Я произносил странные, неизвестные мне молитвы на незнакомом мне до сего времени языке.

Временами меня перебивали арфы, временами толпа повторяла за мною слова молитвы.

Ярко горели светильники; ароматный дым курильниц разносился по храму.

Во время молитвы я смотрел в глаза божеству. Много событий видели эти глаза, много тысячелетий прошло перед ними, а они бесстрастно глядели куда-то вперед, глядели в вечность.

Тут понял я силу времени; понял ничтожество всей жизни, ничтожество людей и власти, ничтожество волнений, горя и желаний.

Опустив голову, я с удивлением заметил, что на мне было жреческое одеяние, сверкавшее золотом и драгоценными камнями; па груди моей горела оправленная в золото капля крови атланта.

Верховный жрец и божество, ничтожество и вечность, стояли один против другого.

Взглянув опять на бога, я не опустил глаз — ведь я верховный жрец, а предо мною камень, хотя и символ божества.

Вдруг рука статуи протянулась и ключом жизни коснулась моего лба.

От этого прикосновения словно молния пронизала все мое тело. Я зашатался и опустился на каменный пол.

Мне показалось, что душа моя покинула свое временное жилище и, руководимая какой-то неведомой волей, полетела вне времени в пространстве...

— Простите меня, Ольга Платоновна, — неожиданно прервал свой рассказ Евгений Семенович. — Сегодня я не могу больше говорить, я слишком измучен. Я записал дальнейшие мои впечатления и, если хотите, пришлю вам завтра. А теперь я пойду. Прощайте.

С этими словами он вышел.

VIII.

На другой день Ольга Платоновна получила обещанные заметки, и вот что она прочла:

«Мой дух стремился вдоль реки. Вдали виднелись горы. Мелькали города, мелькнули пирамиды.

Пахнуло сыростью; вдали чернело море.

На берегу виднелся город. Сквозь дымку легкого тумана темнели храмы в нем, дворцы.

Но вот и море. Спокойное, неслышное, оно дремало и временами лишь сверкало золотом.

На небе звезды искрились; сиял на небе Орион, и яркий золотистый свет лила красавица-луна.

В объятиях вечных неба, в спокойных ласках вод видна была любовь; все млело в неге, все млело в тишине.

Чтобы душа в тумане дум прониклась глубиной покоя, чтоб поняла, что жизни бури нужны лишь для того, чтоб оценить покой, неведомая воля, руководившая душой, умирала ее полет.

С мерцанием в небесах, с потоком искр на море и с трепетом любви и полного покоя прошла над морем ночь.

Настало утро.

Настал и светлый день, прошел — и снова вечер.

Видна невдалеке земля.

Цветов душистый запах несется к небу. Пропитанный благоуханьем роз, лимонов, струится воздух и темнеет вдали над городом.

Уж слышен гул толпы; сначала смутный, но вот отдельные в нем ясны голоса.

По улицам зажглись огни.

Волнуется несметная толпа.

У храма нового, все в белых одеяниях, стоят жрецы.

Чего-то ждут.

Все замерли.

Вдали блеснули копья, шлемы.

Толпа заволновалась. Раздвинулась. Как будто расступилось море.

Раздался звук рожка; послышалось людское пенье; вот слышен цистры звон; чу, залились свирели.

Идут.

Отряд солдат нес факелы. За ними в странных одеяниях, полуодетые, но все в цветах, с распущенными волосами, шли девушки. Толпа прекрасных юношей, украшенных венками, везла жреца и девушку в богатой колеснице. Кругом шли важные жрецы, а позади них негр. Он нес в руке змею. За ним, на расстоянии, толпа людей, одетых в тоги, шла молча. Среди толпы на золотых носилках, покрытых пурпуром, Нерон.

Он храм воздвиг египетскому богу и шел с придворными молиться.

Колонны в два ряда, а впереди изображение Гора. Курильниц аромат, живых цветов благоуханье носились в воздухе; дышалось трудно.

Молящиеся вдоль стены и с ними Цезарь.

Среди колонн поставлен гроб; над ним рыдает кто-то. Над телом Божества Изида плачет.

Танцует девушка одна под звуки арф. Закрыв глаза, закинув голову, в движении сладострастном, немой толпе она являет сказку счастья.

Нерон пресыщенный глядит, не может оторваться.

Вдруг ринулся...

Забыл он храм, забыл молитвы. Его поработил вид молодого тела.

Он бросился на девушку и жаркими губами прильнул к ее лицу.

Он что-то шепчет ей, чего-то требует и тело хрупкое Изиды руками грубо обнимает.

От оскорбления девушка заплакала сначала, потом окаменела. Она увидела глаза, горевшие безумьем страсти.

Вдруг в храме крик раздался.

Кричала девушка; совсем забылся Цезарь...

Придворные захохотали, а возмущенные жрецы к Нерону бросились.

Один из них с ножом в руке на Цезаря метнулся, но Цезарь отскочил — и промахнулся жрец, а нож в грудь девушки вонзился.

Жрец бросил нож, склонился к девушке и зарыдал, как плачет мать над трупом сына.

— Что сделал я, сестра?!.. Прости... Зачем привез тебя я в Рим, в развратный город власти? Амун великий, помоги!..

Тут подошли солдаты и увели безумного жреца.

— Он Цезаря убить хотел, — так говорили люди.

Храм быстро опустел. Толпа рассеялась, и замер город.

Зловещая царила тишина; огни погашены; по улицам ходила стража.

Собравшись в скрытом помещении, жрецы о чем-то совещались: ведь Цезарь осквернил служительницу храма; защитником был брат... Что делать? Брат ведь прав, но кара неизбежна: у Цезаря пощады нет.

Вот Палатинский холм. Жилище Цезаря.

Покрытый сплошь постройками и зеленью пахучих померанцев, своей громадою он давит город.

Средь зелени белеют статуи, отдельные колонны и, гордо поднимаясь к небу, стоят на страже сосны.

Душиста ночь, и дремлет воздух. Лишь сосны шепчутся о страшной власти, что на холме царит.

Дворец не освещен; но в спальне Цезаря горит огонь.

В углу стоят носилки. На них, как мертвая, лежит тан-

цовщица из храма.

По комнате, как в клетке зверь, свирепый Цезарь мечется. Он часто к раненой подходит и молча на нее глядит. В лице его видны и злость обманутой любви и жалость.

Вдруг страже у дверей он тихо приказал ввести к нему жреца, что на него накинулся с ножом.

Ввели жреца, а вместе с ним вошли старейшие из храма.

— Мне говорили вы, что этот жрец ей брат, и чести он защитником явился. Что оскорбил святыню храма я, поцеловав танцовщицу. А знаете ли вы, жрецы, что Цезаря любовь не оскверняет, что Цезаря любовь свята, что Цезарь всемогущ, что Цезарь — бог, что завтра храм с землей сравняя, жреца зверям отдам, а вас плетьюми из города велю прогнать?..

Так говорил Нерон.

Больная застонала и, повернувшись к Цезарю, чуть слышным голосом пролепетала:

— Ты, Цезарь, говоришь, что Цезарь — бог. Мне в храме ты шептал, что за любовь отдашь полцарства. Ведь ты не лгал — ты, Цезарь, бог, а бог не лжет. Меня ты любишь, говорил. Тебе я верю, Цезарь. Из-за любви ко мне прости жрецов и брата, а мне верни здоровье. Ты, Цезарь, бог, ты — всемогущ.

Нерон был удивлен.

Ему поверили в любви, поверили, что Цезарь бог. И кто же? — прекрасная из храма жрица, почти дитя.

Он в жизни первый раз смутился.

— Мне веришь, девушка? Ты не ошиблась. Ступайте все, я вас прощаю. Пусть брат останется. Позвать врачей и им сказать, что воля Цезаря — вернуть здоровье жрице. Прощай, дитя. Все говорят, что Цезарь — зверь, но Цезарь — бог и человек, и Цезарь тебя любит.

Нерон ушел, а девушка, лишившись сил, упала на постель.

К ней подошел спасенный брат.

Земля проснулась. Ее всю ночь луна ласкала своими нежными лучами. С ней ласково играли тени и, мягко падая на грудь, при легком ветерке плели на ней покров причудливым узором, чтоб скрыть от глаз минутный трепет страсти.

В кустах пел сладко соловей, и звуки его песни, как гимны в честь любви, дрожали в воздухе и волновали землю.

В садах шептались люди; то вздох послышится, то робкий поцелуй...

Цветы кругом так дивно пахли: так нежно воздух трепетал...

— Как ночью хорошо, — подумала земля и зарумянилась зарей.

Ей стало стыдно ночи; она очнулась.

Пропал зари румянец быстро, и бледность наступающего дня покрыла землю.

В богато убранном покое, у растворенного окна, на драгоценном ложе лежала девушка.

Большие черные глаза смотрели грустно, а губы бледные ловили жадно дыханье утра.

У ног ее сидел печальный брат.

— Готек, я видела недавно сон; Изида ко мне во сне явилась и позвала к себе. Я знаю, что душа покинет мое тело. Я смерти не боюсь, я не боюсь суда. Скажи, что будет с телом? Его сожгут? Душа моя что будет делать? И как достигну я блаженства, когда не будет тела?

— Не бойся, милая сестра. Наш мягкосердый Бог доставит вечное блаженство твоей душе без единенья с телом. А чтобы у души было прибежище, я вот что сделаю. Мне дал священную мастику наш старший жрец. С мастикой смешаю пепел и камень сделаю, такой же голубой, как наше небо. Мне главный жрец сказал, ты слышишь, заклинанье,

чтоб вызвать душу. Пока я жив, мы будем видеться, ты будешь оживать и утешать жреца, сестры убийцу.

Он зарыдал.

— Не плачь, Готек, я не страдаю. Я даже рада, что теперь, не зная жизни, умираю. Я видела здесь жизнь, она ужасна. Нет чувства в людях, нет любви. Людей тут нет, одни рабы. Злодей Нерон всем миром правит. Его любовь — свята, его любовь не оскверняет, он всемогущ, он бог...

— Любовь его — туман, а власть лишь призрачна. Он бог? Да, для червей. И это Цезарь, а кругом...

На другой день я проснулся очень поздно. У постели моей стоял Пильман с озабоченным лицом.

Я думал, господин, что ты захворал. Вставай скорей. Хозяин два раза приходил о тебе спрашивать.

Я скоро вышел.

Хозяин встретил меня очень радушно, но, когда я заикнулся, чтобы просить объяснить мне вчерашние события, он сухо остановил меня словами:

— Запомни то, что ты видел и что понял. Чтобы прожить, этого достаточно. Береги браслет, а главное, камень; не злоупотребляй заклинанием и не беспокой напрасно чужой души. При частом нагревании камень может лопнуть, и душа останется без прибежища или переселится в тело другого человека.

— Есть многое, Горацио, на свете,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Шекспир. «Гамлет» 1.5.

I.

...Тревожно задребезжал звонок настольного телефона, точно передавал волнение того, кто требовал соединения. Я быстро подошел к аппарату и услышал взволнованный голос дяди:

— Виктор, это ты?

— Я, дядя... В чем дело?

— Ради Бога, приезжай ко мне... Это необходимо... Ты мне нужен до зарезу...

Стояла поздняя осень. Дождь лил, как из ведра, и перспектива тащиться к дяде на другой конец города мне вовсе не улыбалась.

— Нельзя ли отложить до завтра? — попробовал я увильнуть от неприятного путешествия.

— Невозможно... Не теряй времени на разговоры. Каждая минута дорога... Бросай все и приезжай, прошу тебя! — прозвучал в трубку нетерпеливый ответ.

Делать было нечего, и я, в душе поругивая дядю, собрался в путь. Приглашение было настолько категорично, и в то же время в нем звучала такая затаенная мольба, что у меня положительно не хватало духу отказать дяде. С дядей

я был в самых лучших дружеских отношениях и глубоко ценил его образование, житейский опыт и доброе сердце; огорчать его мне совсем не хотелось, тем более что, как я знал, дядя, по свойственной ему щепетильности, никогда не решился бы тревожить меня без достаточных оснований.

Впрочем, на оригинальной фигуре моего дяди стоит остановиться несколько подробнее.

Великолепно образованный, воспитанный, принадлежащий по своему происхождению к лучшему обществу, он тем по менее являлся каким-то черным пятном — *enfant terrible* — всего нашего чопорного великосветского семейства. Непоседливый характер, непостоянство, излишняя впечатлительность прямо-таки выбивали его из рамок уклада и взглядов того общества, в котором ему приходилось вращаться.

Родители наметили ему дипломатическую карьеру, но после одного совершенно недипломатического столкновения с представителем «дружественной державы» стало ясно, что дальнейшая служебная карьера дяди в области дипломатии окончена. Он перешел куда-то в другое ведомство; но и там недоразумение с начальством явилось печальным предвестником его грядущих служебных преуспеваний. Несмотря на протесты родни, дядя махнул рукой на службу, подал в отставку и переехал к себе, в великолепное имение в одной из лучших губерний южной России. Родственники, традиционные «служилые» дворяне, смотрели на все это весьма косо; они вовсе не принимали во внимание того, что во всех историях и столкновениях принципиально прав бывал дядя; да иначе и быть не могло, — слишком уж честна и справедлива была его натура — нет, родственники считались только с фактами, — помилуйте! испортил себе карьеру, повздорил с начальством! ясное дело — «заблудшая овца»! «И в кого это он такой», — со вздохом говорили великосветские тетушки и в конце концов совершенно отказались от своего блудного племянника.

Положим, надо отдать справедливость дяде, неблагоприятие тетушек его не особенно огорчало. Он засел в деревне и только изредка подавал признаки жизни, присылая

поздравления в высокотожественные семейные праздники, затем вдруг куда-то исчез. И я начал получать от него письма со штемпелями Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Калькутты, Александрии и других местностей, находящихся на самых противоположных концах земного шара. Следует сказать, что я пользовался особым расположением дяди; во-первых — как сын его любимой сестры, а во-вторых — как подобный ему выродок семьи, который всяким чиновным отличиям и преимуществам предпочел свободную профессию журналиста и литератора.

В письмах дядя очень увлекательно рассказывал о своих приключениях, описывал всевозможные достопримечательности, но лично о себе, о своих планах, надеждах и душевных переживаниях говорил как-то мало — даже, пожалуй, чересчур мало, так что получалось впечатление, будто он нарочно что-то замалчивает.

Так прошло десять лет.

Вдруг, совершенно неожиданно, дядя вернулся; сделал официальные визиты родственникам и поселился где-то на окраине нашего города, заняв очень уютный, но в то же время и уединенный особнячок. Жил он весьма замкнуто, никого не принимал к себе и сам почти никуда не показывался. Единственным, но и то весьма редким, его гостем был ваш покорнейший слуга.

Надо признаться, за десять лет странствий в дяде произошла большая перемена. Из общительного веселого человека он превратился в скрытного, задумчивого нелюдима. Можно было подумать, что его угнетает какое-то тайное беспокойство.

Вот почему телефонный звонок дяди сильно встревожил меня и заставил отнестись с особым вниманием к его приглашению.

Через несколько минут после нашего телефонного разговора я уже мчался в наемном автомобиле и в четверть часа был у дяди.

— Спасибо, что приехал, — встретил меня дядя. — Ты не можешь себе представить, как я нуждаюсь в тебе. Ты — единственный человек, с которым я могу говорить откро-

венно. Я расскажу тебе странную историю. Ты скептик и, может быть, отнесешься недоверчиво к моему рассказу, но прошу тебя, — не перебивай меня и имей в виду два соображения: первое — что я в здравом уме, твердой памяти и никогда не лгу, — и второе, — что Гамлет был совершенно прав, говоря: «Есть многое, Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам». Садись и слушай.

Мы уселись в мягкие кресла дядиного кабинета.

Дядя помолчал, задумчиво затянулся сигарой и сказал:
— Я разорен!..

Если б в эту минуту обрушился потолок, я менее был бы удивлен этим, чем признанием дяди. Я знал, что у дяди было крупное, очень крупное состояние, знал, что он не играет в карты, не пускается в рискованные спекуляции, — и решительно не мог понять, каким путем он дошел до разорения.

— Да, да, ты прав, — грустно улыбаясь, ответил, точно читая мои мысли, дядя, — я не игрок, не спекулянт и тем не менее...

— Позвольте, — воскликнул я, вне себя от удивления, — почему вы знаете мои мысли?

— Это я тебе тоже объясню. Итак, слушай дальше. Я разорен. Мое разорение — следствие сцепления целого ряда несчастных обстоятельств, которые за последние пять лет моей жизни сыпались на меня, как из рога изобилия. Что я ни делал, как ни напрягал силы, — ничто не помогало; судьба или нечто даже более могущественное, чем она, одерживало верх. Привело же это все к тому, что на днях мое имение продается с молотка. Самое досадное то, что через две недели у меня в руках должны быть большие деньги, и если б я мог оттянуть торги хотя бы на месяц, — я был бы спасен. Но об этом нечего и думать. Мой кредитор не пойдет ни на какие уступки.

— Да, но, дядя, чем же я-то могу быть вам полезен? — спросил я, внутренне усмехаясь от одной мысли, что дядя возымел намерение попросить у меня денег.

— Не беспокойся, — как и раньше, ответил дядя на мою мысль, — денег в долг я у тебя не попрошу, — я прекрасно

знаю, что у тебя в бумажнике заболталась одна несчастная двадцатипятирублевка; на это имение не выкупишь.

Дольше я не мог выдержать.

— Да объясните же мне, наконец, дядя, — воскликнул я, вскочив, — каким образом вы умудряетесь читать мои мысли?! Что за чертовщина!

— Одно из самых обыденных явлений, способность, свойственная каждому человеку: надо только ее развивать. Однако, не будем терять времени. Я тебя еще раз прошу не перебивать меня, — ответил дядя и несколько взволнованно продолжал:

— Как тебе известно, а может быть, и неизвестно, я уже давно интересуюсь так называемыми тайными науками. Впрочем, это название им дали профаны, вообще не понимающие сущности и смысла познания. В природе нет тайн; есть известное и неизвестное; неизвестное одному — известно другому; и если арабский язык, знакомый мне, неизвестен тебе, то из этого вовсе не следует, что арабский язык — тайная наука, недоступная тебе. Конечно, может случиться, что ты будешь его долбить, как сорока, и все-таки не усвоишь, — но это уже будет вина твоих личных способностей, а никак не арабского языка. Усвоить язык природы, проникнуть в ее сущность — тоже удел не каждого человека. Для этого тоже требуются особые свойства, особые, скажем, дарования. Но развивать эти дарования умеют только на востоке. И вот за развитием этих способностей я и отправился, прежде всего, в Индию. Мне посчастливилось: случайно судьба столкнула меня с одним раджа-иогги, — хранителем тайных знаний. Мне удалось оказать ему услугу, и вот, в благодарность за нее, он согласился взять меня к себе в науку. В чем эта наука заключалась, я не имею права тебе сказать: я связан словом; но только через год неустанных занятий по концентрации мысли, воспитанию воли и нравственному самоусовершенствованию, мой наставник объявил мне, что дальнейшие занятия бесполезны: никакого толка выйти не может, ибо, хотя во мне и имеются блестящие задатки необходимых духовных способностей, но моя прошлая жизнь настолько уже притупила мою ду-

шу, что она сделалась неспособной к восприятию высоких и чистых истин индийской философии и в частности учения раджа-иоггов. Ты можешь себе представить впечатление, произведенное на меня этими словами. Мечта моей жизни рушилась; передо мной навсегда закрылась дверь, ведущая в таинственный мир новых откровений и разгадок. В особенности это было тяжело потому, что я все-таки хоть одним глазком да успел заглянуть в щель слегка приоткрывшейся двери... И вдруг!.. Я был в отчаянии. С болью в сердце покинул я Индию. Но другой ключ к тайнам природы хранился в древнем Египте, в стране загадочных сфинксов и великих мистерий Изида! Правда, я знал, что в Египте в настоящее время почти уже нет хранителей древней мудрости, и что там я могу встретить только жалких фигляров, которые за несколько грошей будут показывать фокусы, может быть, и весьма удивительные, но все-таки не имеющие ничего общего с тем, что интересовало меня. Но выбора не было, и через некоторое время я очутился в Каире.

Было часов пять вечера. Я шел по главной улице Каира, — Муски. Европейски оживленная широкая улица, с целым рядом роскошных домов, отелей, оперным театром, почтамтом и биржей, ничем не отличалась от улицы любого европейского города, если б не пестрая разноцветная толпа, в которой то там, то сям мелькали белые бурнусы бедуинов, яркие одежды местных евреев и черные покрывала копток. Погруженный в свои мысли, я дошел до Эзбекие, — сада, в котором раскинута масса всевозможных балаганчиков, кафе и увеселительных заведений. Впрочем, большая часть публики в них не заходила, предпочитая после дневного зноя подышать вечерней прохладой. Переполнены были только кафе, в которых иностранцы и туземцы утоляли жажду разными прохладительными напитками. Я сам собирался последовать их примеру, как вдруг мне бросилась в глаза вывеска на одном из маленьких, наскоро сколоченных балаганчиков: «Факир Солиман бен Аисса. Сеансы удивительных опытов магии».

Странствуя по востоку, я уже нередко встречался с этими бродячими фиглярами, показывающими свое искусство иной раз за деньги, а иногда бесплатно, и знал, что опыты их, действительно, часто бывают забавны и даже, на первый взгляд, непостижимы. Чтоб развлечься, я решил зайти, тем более что египетских фокусников видеть мне еще не приходилось.

В небольшом балагане сидели человек пять туристов.

На маленькой эстраде в восточном, фантастическом костюме суетился господин, который, к моему удивлению, и оказался самим факиром Солиманом бен Аиссой. Ты поймешь мое удивление, если я скажу тебе, что в этом факире не было ровно ничего «факирского». Представь себе художавого блондина среднего роста с кожей и типичными чертами лица белой расы, с закрученными кверху белокурыми усами, придававшими факиру вид лихого бретера, но никак уже не египетского тайноведца. Впоследствии я убедился, что моя наблюдательность меня не обманула.

Факир оказался отставным французским солдатом, долгое время жившим среди арабов и понахватавшим верхушек их тайных знаний. Тем не менее, надо отдать справедливость, представление было довольно интересное; правда, большинство опытов было мне уже известно: факир протыкал себе длинными иглами горло, язык, руки, вставлял в глаз шило и выворачивал им все глазное яблоко, державшееся на одном нерве, вышивал у себя на щеке узоры иглой с черной шелковой нитью, затем брал невероятно отточенное лезвие кривой сабли, приставлял его острый бок вплотную к обнаженному животу и ударами тяжелого молота вгонял саблю в тело; после извлечения сабли на теле не оставалось ни малейших следов поранения, даже царапины или хотя бы легкого кровоистечения. Все это было довольно обыденно, и только ничего подобного не видевшие туристы ахали и охали от удивления.

Но вот в заключение опыта факир обратился к зрителям с предложением: «Не желает ли кто-либо из почтенных зрителей подвергнуться таким же опытам?», — причем он,

факир, конечно, ручается за полную безопасность и отсутствие всякого риска.

Это уже становилось интереснее.

Опыт факира над ним самим можно было объяснить тренировкой, знанием особых приемов, наконец, прямо каким-нибудь жульничеством, но опыты с третьими лицами — дело другое... Разве, если допустить какое-нибудь предварительное соглашение...

Под влиянием внезапной мысли, как-то совершенно помимо моей воли, у меня вырвалось заявление:

— Я желаю!..

— Пожалуйста... Прошу вас, — любезно пригласил меня факир на эстраду. — Не бойтесь. Никакого вреда я вам не причиню.

— Я нисколько и не боюсь, — ответил я, входя на эстраду и внутренне раскаиваясь в своей поспешности.

— Очень вам благодарен, — раскланялся факир. В его тоне мне послышалась легкая насмешка; впрочем, в ту минуту я не придал этому никакого значения.

Солиман бен Аисса занялся приготовлениями к опыту; приготовления эти были совсем не сложны. Заключались они в том, что факир опустил длинные острые шпильки, которыми протыкал себе тело, в сосуд, наполненный какой-то жидкостью, «для дезинфекции», как пояснил он, затем быстро проделал перед моим лицом несколько едва уловимых пассов рукой, оттянул пальцами мою правую щеку и с быстротой молнии всадил в нее острую, длинную шпильку; шпилька прошла насквозь; один конец торчал снаружи щеки, острие же, пронзив щеку, вышло изо рта. Я не ощутил ни малейшей боли, на коже не выступило ни одной капли крови... На эстраду поднялись любопытные зрители и подвергли меня подробному осмотру, чуть не засовывая мне пальцы в рот (что было в достаточной мере неприятно). Никакой фальши не обнаружилось; щека была проткнута самым добросовестным образом. Через минуту шпилька была извлечена факиром. Опять никакой боли я не ощутил; на месте же прокола образовалось чуть заметное красное пятнышко с булавочную головку.

Аналогичный опыт был повторен с моим языком.

Я вошел во вкус, осмелел и протянул к факиру руку с просьбой проткнуть ее у запястья, как он это проделывал над собой.

Но Солиман бен Аисса отрицательно покачал головой.

— Нет, это рискованно. Я могу попасть вам в вену.

Опыт со мной был окончен.

Поблагодарив факира за доставленное «удовольствие», я опять уселся в публице. Когда я вернулся на свое место, то увидел рядом с собой какого-то господина, которого я раньше не заметил. Изящно, даже изысканно одетый, высокого роста, стройный брюнет, с бородой, подстриженной «по-ассирийски», с черными пронизательными глазами, он производил впечатление человека, принадлежащего к хорошему обществу.

Вежливо приподняв свою панаму, он, улыбаясь, обратился ко мне по-французски:

— Monsieur, вероятно, иностранец?

Я отвечал утвердительно.

— Турист? Только что приехавший из Индии, где он изучал оккультные науки, и в настоящее время собирается изучать их здесь, в Египте? — продолжал свой допрос мой странный сосед.

Я был поражен.

— Откуда вам это все известно? — спросил я его.

— О, надо быть только немного наблюдательным. Вы — иностранец, иначе никогда бы не забрели в эту пору дня в душный балаган вместо того, чтобы пользоваться свежим воздухом, как это делают туземцы. Что вы прибыли из Индии, — об этом свидетельствует цвет вашего загара. У вас загар именно индийского солнца. Солнце каждой страны окрашивает кожу по-разному, но, конечно, только опытный глаз отличает разницу оттенков. Ваш интерес к оккультным наукам очевиден, — иначе вы не были бы здесь и не стали бы подвергаться сомнительным опытам странствующего фокусника. Индия — колыбель оккультных наук; вывод прост: цель вашего пребывания в Индии ясна. Ваша наружность ясно говорит о том, что вы человек здоровый,

значит, приехали в Египет не для того, чтобы лечиться. В таком случае, для чего же? Ваше пребывание здесь, на сеансе, дает на это ответ. Египет — тоже хранилище древних тайн, вы ими интересуетесь и, стало быть, и здесь в Египте приложите старание проникнуть в их сущность. Скажу вам даже более: Индия не оправдала ваших надежд; там вам не удалось приобрести оккультные знания; и вы приехали за ними сюда. Это тоже очень ясно: тот, кто постиг древнюю мудрость Индии, не поедет за этой мудростью в Египет.

Я был подавлен. Незнакомец читал в моей душе, как в открытой книге.

— Простите, — спохватился мой собеседник, — я еще вам не представился: маркиз Себастьян де Ларош-Верни, — отрекомендовался он. Я назвал себя.

— Не пойдем ли мы на воздух, — предложил мой новый знакомец, — право, сидеть здесь больше не стоит.

Мы вышли и, заняв один из столиков в саду, потребовали себе прохладительного питья. Завязался разговор. Маркиз оказался очень интересным, остроумным собеседником, и, что самое главное, по-видимому, весьма осведомленным в тайных науках.

Между прочим, он мне сказал: «Не считите моего знакомства с вами назойливостью. Я сразу угадал в вас человека, интересующегося тайнами востока; ваша готовность подвергнуться опытам факира показала мне, что вы хотите заняться этим вопросом серьезно, а не из одного праздного любопытства. И я решил прийти вам на помощь. Я имею доступ в общество, обладающее большими познаниями в интересующей вас области. Больше я вам пока ничего не скажу. Но думаю, что со временем вас можно будет ввести в это общество».

Ты легко представишь себе мою радость. Мои долголетние мечтания, по-видимому, были близки к осуществлению. Понятно поэтому, что я сразу же воспылил благодарностью к новому знакомому, и мы расстались почти приятелями, дав друг другу обещание увидеться на следующий же день.

II.

Не буду утомлять тебя подробностями; скажу прямо, что через неделю мы сделали с маркизом закадычными друзьями. Ни одного осмотра окрестных достопримечательностей, ни одной прогулки я не предпринимал без моего «французского ассирийца», как я мысленно называл де Ларош-Верни. Раскаиваться мне не приходилось, так как маркиз прекрасно знал Египет, историю его памятников и сообщал массу любопытных сведений. Об обещанном посещении тайного кружка он, однако же, молчал. Я же, боясь показаться назойливым, тоже на затевал об этом разговора. Наконец, он явился ко мне как-то утром и без всяких вступлений объявил: «Я добился разрешения братьев: сегодня ночью я введу вас в “Ложу правой пирамиды” — так называется общество, о котором я вам говорил».

День тянулся для меня нескончаемо долго. Я считал часы и минуты, когда, наконец, ночная тьма сразу окутает землю и на небе засверкает таинственное светило Изи́ды. Наконец, желанный миг настал. Маркиз де Ларош-Верни зашел за мной, и мы направились к берегу Нила. Вся окрестность была залита ровным, серебристым сиянием луны, и в этом сиянии особенно резко и рельефно выступали очертания далеких пирамид-усыпальниц фараонов и еще более далеких, молчаливых гор, в уступах которых вырублен громадный загадочный Сфинкс...

В каком-то безвольном безразличии я следовал, как зачарованный, за моим руководителем. Молча мы спустились к берегу Нила и сели в поджидавшую нас рыбацью лодку. Маркиз сказал лодочнику несколько слов на непонятном мне языке; лодочник кивнул головой и оттолкнулся от берега. Через короткое время мы были на другом берегу и вступили на землю, где когда-то стоял древний священный Мемфис. Но протекли тысячелетия, и от некогда славного и пышного города осталось только необозримое поле, покрытое развалинами и разбитыми камнями. На ме-

сте былого величия возникла бедная арабская деревушка Менф. И только вдалеке, напоминая о прежнем величии, чернела громадная пирамида фараона Хуфу, неправильно называемая пирамидой Хеопса, как бы олицетворяя собою арабскую пословицу: «Все боится времени, но время боится пирамид».

— Здесь нас должны поджидать, — в первый раз нарушил молчание маркиз, оглядываясь по сторонам. Действительно, в портале полуразвалившегося храма притаился всадник, державший на поводу двух оседланных стройных скакунов.

— Садитесь: нам предстоит маленькая верховая прогулка, — сказал маркиз.

Через несколько минут мы уже оставили далеко за собой Менф и скакали по направлению к темной громаде Хеопсовой пирамиды. Справа молча скакал Ларош-Верни, а слева — всадник, приведший лошадей. Вглядевшись, я, к моему немалому удивлению, узнал в нем факира Солимана бен Аиссу из сада Эзбекие. Не могу сказать, чтобы это открытие привело меня в особый восторг; наоборот, присутствие факира оказало на меня какое-то тягостное, гнетущее влияние, в причинах которого я не мог дать себе отчет.

Приблизительно через час довольно быстрой езды мы достигли цели: пирамида Хуфу осталась от нас влево, в расстоянии около полуверсты; мы же остановились у подножья невысокой пирамиды, казавшейся в сравнении с громадой Хуфу небольшим холмом.

— Это, так называемая археологами, правая пирамида сына Хуфу, — объяснил маркиз, спрыгивая с коня, — в отличие от другой пирамиды, находящейся в верстах двух отсюда. Однако, пора, пора! — добавил он, взглянув на часы. — Наверно, все братья уже в сборе. Следуйте за мной, — и привычным шагом маркиз начал подниматься по уступам и выбоинам пирамиды; я, пытая и отдуваясь, следовал за ним; шествие замыкал Солиман. Таким образом, я оказался между двумя моими спутниками и начинал чувствовать себя чем-то вроде почетного арестанта.

Восхождение продолжалось недолго. Мы поднялись всего футов на десять над землей, когда маркиз остановился и нажал чуть заметно выдававшийся квадрат в кладке пирамиды; бесшумно повернулась невидимая дверь, и перед нами открылось темное, низкое отверстие.

Кивком головы маркиз пригласил меня следовать за собой; в нос ударил странный, смешанный запах затхлости, сырой плесени и пряных ароматов. У меня слегка закружилась голова.

— Сейчас пройдет; это с непривычки. Осторожнее... мы начинаем спускаться, — предупредил меня мой спутник.

Я почувствовал под ногами ступени.

Спускались мы довольно долго; я насчитал около двухсот ступеней, пока не очутился снова на ровной поверхности. Принимая во внимание ту незначительную высоту, на которую мы первоначально поднялись в пирамиде, надо было думать, что, опустившись на двести ступеней, мы оказались глубоко под землей... Глубоко под легендарными пирамидами, усыпальницами фараонов! Маркиз зажег электрический фонарь.

Я осмотрелся. Мы стояли на обширной площади, вымощенной крепким ровным камнем. По бокам площади чернели какие-то здания; колоннады, портики, неясные очертания изваяний, довольно хорошо сохранившихся или полуразрушенных, смутно выступали в свете электрического фонаря.

«Точно подземный город», — промелькнула у меня мысль.

— Вы правы, это подземный Мемфис, — ответил на мою мысль маркиз. — Если вы интересовались египтологией, то должны знать, что среди ученых распространено убеждение о существовании подземного Мемфиса, расположенного под надземным Мемфисом; но проникнуть сюда не удалось еще никому, кроме нас, братьев «Ложи правой пирамиды»; только нам одним известен ход в этот таинственный город, где совершались самые страшные мистерии, где хранились самые великие тайны древней науки. Во всем городе только храмы и жилища жрецов, обрекших себя на

пожизненное пребывание под землей. Здесь, в уединении, работали они над самоусовершенствованием и развитием тех тайных знаний, который затем, через несколько тысячелетий, преемственно дошли на нас, братьев «Ложі правой пирамиды!»

Странно и глухо звучал голос де Ларош-Верни в мертвом городе. Вся фигура маркиза будто выросла и прониклась какой-то зловещей нездешней силой. Мне сделалось жутко и неприятно. Маркиз заметил произведенное им впечатление и сразу переменялся. Прежняя любезная улыбка светского человека скользнула по его лицу.

— Однако... надо торопиться... Нас ждут... Бен Аисса, все готово? — обратился он к факиру.

Факир, ничего не отвечая, приложил руку ко рту и испустил пронзительный крик. В ответ раздался какой-то рев, и впереди, из тьмы, вдруг вынырнули два громадных огненных глаза, быстро приближавшихся к нам...

От неожиданности я вздрогнул.

— Не бойтесь. Это только автомобиль, — улыбаясь, успокоил меня маркиз, и через несколько секунд мы втроем уже мчались в автомобиле, управляемом ловким шофером, по широкой улице подземного Мемфиса.

Это было какое-то сказочное путешествие. Мой рассказ никак не мог примирить таких контрастов: с одной стороны, таинственный, неизвестный ученым тысячелетний город с храмами Изиды, Аписа и Аммон-Ра, и с другой — автомобиль, — последнее слово равнодушной, все нивелирующей современности...

Мы мчались с бешеной скоростью в темную гущу дали, слегка освещаемой буферными фонарями автомобиля. Дорога была идеальная: ни выбоины, ни выступа.

— Над этой дорогой работали несколько поколений наших братьев, — объяснил мне де Ларош-Верни, — много тут труда было положено на то, чтобы очистить ее от вековых песков и земли, засыпавших подземный город, и затем привести мостовую в теперешнее состояние: этот путь тянется на пятнадцать верст, до конечной цели нашей сегодняшней поездки.

Мы успели обменяться еще только несколькими незначительными фразами, как автомобиль начал замедлять ход и, наконец, остановился у небольшой платформы.

Всего в дороге мы были не более десяти минут. Платформа, у которой мы остановились, напоминала заброшенный железнодорожный полустанок. Сходство увеличивалось еще стоящей у платформы вагонеткой. Мои спутники пропустили в вагонетку меня, затем вошли сами. Маркиз нажал кнопку; раздался звонок, вспыхнула электрическая лампочка, и вагонетка медленно и плавно поползла вверх. Попросту, она оказалась самым обыкновенным лифтом.

— Знаете, где мы находимся и куда поднимаемся? — спросил меня маркиз. Я ответил отрицательно.

— Мы находимся у подножия великого Сфинкса, служащего могилой фараону Мене-фта или Менесу, жившему за 3200 лет до нашей эры; Сфинкс этот известен у ученых под именем Мемфисского. Он высечен из целой громадной скалы. Давно, давно уже стоит он здесь, и века покрыли его туловище илом и песком. Над поверхностью возвышается одна лишь голова необычайных размеров. От земли до темени насчитывается 74 фута, т. е. 10 с лишним саженьей; в окружности голова имеет 80 футов; уши и нос равны росту человека. Теперь в его голове... впрочем, вы сами скоро все увидите, — перебил себя маркиз.

Как раз в это время лифт остановился, и мы вышли.

То, что я увидел, представляло столь необычайное зрелище, что вот даже теперь, по прошествии стольких лет, я не могу равнодушно говорить об этом!

Дядя в волнении вскочил с кресла и начал ходить по комнате.

— Представь себе обширный колоннадный храм таких размеров, что, стоя на одном конце его, не видишь, что происходит на другом. Колонны изукрашены тонкой резьбой иероглифов и изображений богов. На возвышении, к которому вело семь ступеней, стояла статуя грандиозных размеров. Лицо статуи было скрыто украшенным звездами покрывалом. По этому признаку я узнал статую богини

Изиды, скрывающей свой лик от непосвященных.

По обеим сторонам статуи, — справа и слева, образуя полумесяц (эмблема богини), сидели, как я потом узнал, члены «Ложы правой пирамиды». Их было человек тридцать. Привыкнув присутствовать на собраниях разных тайных обществ, я ожидал и здесь встретить некоторую декоративную театральность, которой эти общества любят составлять свои заседания. Ничуть по бывало. Современные жрецы Изиды, «братья Ложы правой пирамиды», были одеты в изящные модные смокинги и фраки, точно на великосветском рауте или балу.

Среди «братьев» было несколько «сестер», — изящных дам в роскошных бальных туалетах, дам, по-видимому, очень красивых. Я говорю «по-видимому», потому что лица всех присутствующих были скрыты бархатными полумасками; это было единственное, что хоть немного соответствовало моему представлению о тайных ложах, египетских братствах и т. п.

При нашем появлении все поднялись и приветствовали глубоким поклоном маркиза де Ларош-Верни. Как потом оказалось, маркиз был «великим мастером» «Ложы правой пирамиды».

Когда все уселись, маркиз взошел на небольшое возвышение в форме усеченного обелиска, надел на голову схент (египетский головной убор в виде платка, плотно охватывающего голову и спускающегося до плеч), а поверх схента — ауреус, — золотой обруч с прикрепленным на лбу изображением головы священного ибиса, и сказал:

— Братья и сестры! Согласно вашему разрешению, я ввел сегодня в Тайная Тайных неопита, жаждущего приобщиться Предвечной Мудрости, хранительницей которой является наша ложа. Неопит этот — русский по происхождению, Павел Васильевич Чеглоков, — стоит перед вами. Он клянется во всем соблюдать статуты нашей ложи и никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не открывать того, что ему станет известным. Иначе да постигнет его месть и наказание Предвечной Мудрости. Клянетесь ли вы? — обратился ко мне мастер ложи.

Я дал требуемую клятву и маркиз продолжал:

— Теперь общее собрание логи займется рассмотрением неотложных текущих дел. Неофиту, как еще не посвященному в наши дела, придется удалиться. Но предвзительно ему надо назначить наставника, под руководством которого он пойдет по пути Истинного Познания. Сестра Вероника, вас я назначаю наставницей неофита. Возьмите его под ваше покровительство и удалитесь!

С одного из сидений медленно поднялась высокая фигура замаскированной женщины в роскошном бальном туалете.

Фигура подошла ко мне. «Следуйте за мной», — сказала она приятным грудным голосом и пошла вперед, указывая дорогу; я пошел за ней. В узенькую дверь вышли мы из холодного храма в соседнюю комнату, убранную со всей роскошью и ухищрениями современного комфорта.

— Теперь познакомимся! — обратилась ко мне моя спутница, снимая маску. Я невольно отступил в изумлении. Предо мной стояла в полном смысле слова красавица! Я не охотник да и не мастер описывать то, что возможно воспринять только глазами. Поверь мне на слово: я кое-что в этом деле понимаю!

Но поразило меня не то, что моя спутница была красавицей, а то, что я узнал в ней одну из львиц сезона в Каире.

Мисс Бесси Кроссвенор сводила в это время с ума всех мужчин Каира; ее красота, богатство, туалеты заставляли бледнеть от зависти всех светских женщин Каира. Сознаюсь тебе, что и мне она давно нравилась, но как-то не представлялось случая познакомиться.

И вдруг эту веселую, нарядную, кокетливую женщину я встречаю под именем Вероники, в качестве члена тайного оккультного братства, да еще получаю ее себе в наставники. Было от чего прийти в изумление!

Дядя в волнении прошелся по кабинету и задумался.

— Тут мне придется сделать изрядный скачок, — наконец, возобновил он свой рассказ.

Произошли события, говорить о которых я считаю себя не вправе... да и тяжело мне это... Вкратце дело было так. Бесси Кроссвенор, или сестра Вероника, оказалась очень осведомленной и опытной наставницей. Она скоро ввела меня в курс того, что я должен был знать, как член «Лож правой пирамиды». Организованы занятия были великолепно. Во внутренности Сфинкса помещался целый оккультный университет с аудиториями, прекрасно оборудованными лабораториями, анатомическим театром и отдельными помещениями для разных упражнений.

Ты, вероятно, читал, какой шум в ученом мире произвело недавнее открытие американского египтолога, профессора Рейснера; этому ученому удалось проникнуть вглубь Сфинкса и обнаружить находящийся там роскошный храм Солнца, колоннады, лестницы и гробницу фараона Менеса. Несколько тысячелетий прошло, прежде чем мир узнал об этой тайне молчаливого Сфинкса. Но и то мир узнал не все: он и не догадывается, что небольшая группа людей, — братьев «Лож правой пирамиды», давно проникла в самое сердце Сфинкса, и только непредвиденные обстоятельства заставили их удалиться оттуда и уничтожить все следы своего пребывания. Впрочем, я несколько забегаю вперед.

Итак, под руководством очаровательной Бесси я начал занятия. Интересно было расположение аудиторий. Все они помещались наверху, в голове Сфинкса, соединенной с нижними этажами бесшумным лифтом, причем каждая аудитория, в зависимости от своего назначения, находилась в голове Сфинкса в месте соответствующего мозгового центра; в височных долях, где находится центр слуховых ощущений, находилась аудитория для изощрения слуха; там, где, по мнению ученых, сосредоточены наши волевые импульсы, была расположена комната для упражнения силы воли и т. д.

Словом, когда я вошел в курс упражнений и подробно ознакомился с системой преподавания, то к моему удивлению увидел, что оно поставлено на строго научную почву. «Лож правая пирамиды» оказывалась хранительницей

величайших научных истин, строго согласованных со всеми законами природы. И тут я убедился, что в мире нет чудес, а есть только неизвестное и неисследованное.

Вот тебе пример: с древних времен дару ясновидения приписывалось чуть ли не божественное происхождение; жрецы долгим искусством упражняли в себе эту способность, и все-таки она была настолько капризна, что не подчинялась желаниям; часто ясновидящий напрягал всю свою волю, все силы, и все-таки его духовный взор не мог пронизать мрак будущего. Но братья ложи могли в любую минуту быть ясновидящими; для этого им стоило лишь выпить настой особого растения, название которого сохранялось в глубокой тайне; теперь, впрочем, это растение известно; некоторые племена африканских дикарей знают его свойства; европейские же ученые только недавно узнали о его существовании; растение это называется «яге» и обладает способностью сообщать дар ясновидения. Видишь, как научно-просто, в конце концов, разъясняются все оккультные тайны! Впрочем, я уклонился от хода событий.

Итак, моим наставником сделалась прелестная Бесси Кроссвенор. Но занятия подвигались туго. Мало-помалу я так увлекся очаровательным учителем, что цель моего приезда в Египет утратила для меня всякое значение; я с нетерпением ожидал урока, но не для того, чтобы чему-нибудь научиться, а только для того, чтоб лишний раз встретить Бесси, полюбоваться ее чудным личиком и насладиться ее музыкальным голосом...

Дядя замолчал, мысленно переживая все, о чем он рассказывал.

Я тоже молчал, ожидая продолжения рассказа...

— Ах, опять эти воспоминания... — с виноватой улыбкой нарушил наконец дядя свое молчание.

На чем же я остановился?.. Да... Словом, подробности излишни... В старой, как мир, истории любви эти подробности более или менее одинаковы у всех... Я влюбился... влюбился, как мальчик... потерял волю, рассудок и, главное, способность относиться критически ко всему, что происходило вокруг меня. А относиться критически было к

чему! Впрочем, я не хочу останавливаться на деталях; я вызвал тебя затем, чтоб при твоей помощи прийти к известному решению; решение это надо принять но возможности скорее... Каждая минута промедления может принести неисчислимые несчастья. Но в общих чертах ты должен усвоить суть дела.

Как-никак, мои оккультные знания возрастали. И я пришел к глубокому убеждению, как я уже сказал, что вся наша современная наука только азбука, по которой когда-нибудь, но еще в очень отдаленном будущем, мы научимся читать великую книгу природы. В мире нет ничего сверхъестественного в том обиходном смысле слова, как понимаем его мы. Духов, как представителей загробного мира, в которых верят спириты, не существует. Но существуют реальные физические и психические законы, существуют такие свойства человеческой природы и так называемых «бездушных» вещей, которые нам еще неизвестны и которые нашему ограниченному кругозору кажутся чудесными. Возьмем хотя бы чтение мыслей. Эта способность свойственна каждому человеку, но, конечно, ее нужно упражнять и развивать. Принцип ее очень прост: система беспроволочного телеграфа. Думающий посылает свою мысль со станции отправления, угадывающий принимает ее; весь вопрос в том, чтобы воспринимающий аппарат, т. е. угадчик, развил в себе такую чувствительность, или, как называют оккультисты, «сенситивность», чтобы восприятие чужой мысли совершалось без всякого усилия с его стороны, почти механически. И я этого добился; вернее сказать, этого добились мои наставники по «Ложке правой пирамиды»; на развитие во мне этих именно способностей они почему-то обратили особое внимание. И результаты получились удивительные. Дошло до того, что голова моего собеседника представлялась мне чем-то вроде стеклянного шара, сквозь прозрачные стенки которого я видел реальное воплощение его мыслей. Тебе, конечно, известны опыты фотографирования мыслей? Так вот, подобная фотография мыслей моего собеседника была всегда пред моими глазами. Не только его напряженная, но даже мимолетная мысль

сейчас же воспринималась моим мозгом. И вот что произошло.

III.

В Англии существует весьма почтенное учреждение, «Британский клуб». Центральное отделение его находится в Лондоне, а филиалы раскинуты по городам всего мира. Доступ в этот клуб очень затруднен. Прежде всего, требуется единогласное избрание; но желающий баллотироваться в члены «Британского клуба» должен при этом удовлетворять целому ряду строгих требований: по происхождению принадлежать к родовитому, старому дворянству, обладать независимым состоянием, дающим не менее двух тысяч фунтов годового дохода (по-нашему 20 тысяч рублей) и т. д. Подданство и национальность безразличны. По этим условиям ты легко поймешь, что членами клуба были представители лучших и богатейших семей мира. Мне, как удовлетворявшему всем условиям приема, удалось, в бытность мою в Лондоне, проникнуть в число членов клуба. Но, занятый своими оккультными изысканиями, я был редким посетителем клуба, где все почти время посвящалось спорту и, главным образом, крупной карточной игре.

Филиальное отделение клуба существовало и в Каире.

Но до известного момента я даже не думал посещать его. И вот вдруг — ни с того ни с сего, — меня охватило страстное желание сыграть в карты. Где бы я ни был, что бы я ни делал, чей-то властный и настойчивый голос шептал мне: «Сыграй... сыграй... сыграй!» Наконец, я уступил и в один прекрасный вечер очутился за карточным столом в роскошной игровой комнате «Британского клуба» в Каире.

Моими партнерами оказались лорд Кэвилль, баронет Перси Бердслей и виконт да Круазье, секретарь французской миссии.

Игра началась.

И вот представь себе мой ужас, когда я почувствовал, что читаю мысли моих партнеров, как в открытой книге. Мне было совершенно ясно, какие карты у них на руках, какой карты им не хватает, какой ход они собираются сделать... Из азартной игры для меня был изъят ее главный принцип — случайность. Я должен был играть, как шулер, играть наверняка!.. Тыходишь в мое положение? Я, считавший себя до сих пор честным человеком, избегавший малейшей некорректности, вдруг, помимо моей воли, стал карточным шулером! А что я мог предпринять? Бросить карты и уйти? Почему? Но каком основании? Мои партнеры сочли бы себя оскорбленными... Объяснить, в чем дело? Во-первых, меня сочли бы сумасшедшим, а во-вторых, это было бы нарушением клятвы молчание, данной мною при вступлении в «Ложу». Но самое главное, — у меня не хватило бы силы воли ни уйти, ни признаться во всем... Чья-то тяжелая, свинцовая рука удерживала меня на месте, и властный голос шептал: «Молчи и играй... играй и молчи...» Я в ужасе почувствовал, что по чьей-то воле превратился в автомат для ограбления денег. Но стряхнуть это очарование я не был в силах... И я играл... ставил... бил чужие карты, снова ставил и брал крупные выигрыши.

— Ну, на сегодня с меня довольно... — раздался голос баронета. — К сожалению, продолжать игру я не могу...

Два других партнера тоже встали и предложили прекратить игру до завтра.

— Надеюсь, вы нам дадите возможность отыграться, — заметил с улыбкой виконт де Круазье. — Вам сегодня чертовски везло. Будем ловить момент, когда счастье вам изменит, — и, поклонившись, виконт пошел в бар слегка освежиться; за ним с довольно кислыми минами последовали Кэвилль и Бердслей.

Я остался один у карточного стола.

Передо мной лежала груда золотых монет и банковых билетов; я подвел итог игры; выигрыш равнялся без малого сорока тысячам рублей. Было ясно, что мои партнеры проигрались в пух и прах... На душе у меня было отврати-

тельно, я сознавал, что, строго говоря, был мошенником и в то же время... в то же время аккуратно собрал весь мой выигрыш, рассовал его по карманам и направился домой. Голова трещала невыносимо, точно в ней была устроена кузница, в которой работала, по крайней мере, сотня энергичных кузнецов.

Я вышел на улицу.

Свежий воздух меня немного освежил... Но самочувствие продолжало быть угнетенным. Кое-как я дошел до дома. Войдя в кабинет, я к немалому удивлению увидел маркиза де Ларош-Верни. Он сидел в кресле, курил сигару и, видимо, поджидал меня. Был второй час ночи, и такой поздний гость был мне вовсе не по вкусу.

— Ну-с, мой русский друг, сколько же вы сегодня выиграли? — вот первые слова, которыми меня встретил маркиз.

— Около сорока тысяч рублей, — буркнул я, выворачивая на стол содержимое карманов. — Однако, позвольте, вы-то откуда знаете, что я сегодня играл? — в изумлении спросил я.

— Пора бы вам и оставить эту глупую привычку удивляться, — спокойно ответил де Ларош-Верни. — Для «Ложы правой пирамиды» тайн не существует. Вы же сами знаете, каким образом достался вам этот выигрыш. Им вы обязаны знанию, приобретенному от нашей ложи, а потому, — маркиз встал и подошел к столу, где лежали деньги, — и весь этот выигрыш, по справедливости, должен принадлежать «братству».

И де Ларош-Верни без церемонии сгреб весь мой выигрыш и спрятал в карман.

Я вспыхнул.

— Позвольте, это уж переходит все границы! — в негодовании воскликнул я.

— Да... да... да! Это деньги «Ложы правой пирамиды», — с расстановкой повторил маркиз и, подойдя вплотную, вперил в меня свои черные, сверкавшие сухим блеском глаза.

— Завтра ты опять пойдешь в клуб и будешь играть, слышишь? И никому ни звука о том, что тебе известно, —

властно произнес де Ларош-Верни. — А теперь спи! — И, сделав перед моим лицом несколько быстрых пассив, маркиз повернулся и вышел из комнаты.

Я, как сноп, свалился на оттоманку и забылся тяжелым, нездоровым сном.

Дядя налил себе стакан воды и залпом выпил его.

— Положение, в которое я попал, должно быть тебе ясно: я был загипнотизирован. Под влиянием чужой, железной воли я превратился в орудие преступления, но такого, которое фактически нельзя было уловить, а юридически — невозможно было квалифицировать.

История эта продолжалась неделю. Целую неделю я ежедневно появлялся в «Британском клубе», играл, как помешанный автомат, и выиграл колоссальную сумму, что-то около полумиллиона. Мои противники постоянно менялись; одни, проигравшись или отчаявшись в выигрыше, уступали место другим, — но ты сам понимаешь, что можно было сделать с игроком, видящим насквозь карты своих партнеров! Один только виконт де Круазье не покидал поля битвы. Маленький секретарь французской миссии играл с мужеством отчаяния: его проигрыш был громаден. Жаль было смотреть на его искаженное лицо и дрожащие руки!..

И все эти деньги шли в «Ложу правой пирамиды»! Каждую ночь, возвратясь из клуба, я уже находил у себя маркиза де Ларош-Верни. Он хладнокровно забирал добычу, проделывал надо мной свои проклятые пассы и исчезал.

Но долго так не могло продолжаться!.. Атмосфера была слишком сгущена. Слава о моей игре распространилась по всему городу; но ведь ты знаешь, что хорошая слава лежит, а дурная — бежит. Слава, обежавшая весь город, была дурная слава. На меня стали коситься. Конечно, не было никаких данных обвинять меня в нечистой игре, — но, с другой стороны, такое неизменное, бешеное счастье... Для догадок открывалось обширное поле!

И вдруг утром, на восьмой день моей игры, в газетах появляется сообщение: виконт де Круазье, секретарь французской миссии, застрелился, проиграв в «Британском клу-

бе» казенные деньги.

Появляться после этого в клубе мне сделалось неудобным.

Это понял и маркиз де Ларош-Верни. Сеансы внушения прекратились. Вернее, сеансы прекратились, но внушение осталось. Любовь — ведь это своего рода гипноз; и этому гипнозу я подчинился всецело. Бесси Кроссвенор заняла главное место в моей жизни; я чувствовал, что без нее я жить не могу и с ужасом думал, что ведь рано или поздно нам придется расстаться; логический выход из этого положения один — женитьба. И я решил жениться на Бесси Кроссвенор. Я не знал ни ее прошлого, ни ее настоящего; меня не смущало ее несколько двусмысленное положение одинокой молодой женщины, вращающейся почти исключительно в мужском обществе богатых прожигателей жизни...

Ничего этого я не видел или, вернее, не хотел видеть. Я был слеп. Но один случай открыл мне глаза... Я прозрел... И как ужасно было это прозрение!

Во время одного из уроков, когда в аудитории развития ясновидения я остался наедине с Бесси, я сказал ей все, что волновало мое сердце. Я не мастер описывать лирические сцены и поэтому опушу подробности нашего объяснения; закончилось оно тем, что Бесси дала свое согласие на брак со мной, признавшись, что и она давно ко мне неравнодушна.

Счастью моему не было границ: я мечтал о том, как увезу мою Бесси из Каира, покину «Ложу правой пирамиды», гнет которой после моей карточной эпопеи стал для меня почти невыносим, и как под руководством любимой и любящей жены буду продолжать заняли оккультными науками.

Все, по-видимому, складывалось самым благоприятным образом.

И вдруг, совершенно неожиданно, из безоблачного неба грянул гром.

Случились два происшествия, взволновавшие весь Каир. На протяжении одной недели смерть вырвала из рядов выс-

шего местного общества двух блестящих его представителей. Тайнственным и непонятным образом скончался Киарам-бей, — богатейший представитель каирской аристократии, владелец роскошного дворца на главной улице Каира и собственник многомиллионного состояния; его нашли сидящим в своем кабинете за письменным столом; еще накануне вечером он весело проводил время в обществе своих постоянных собутыльников, среди которых была хорошенькая испанка Конхита Перес-и-Гальдос, кафе-шантанная певичка, предмет пламенных ухаживаний умершего. Никаких знаков насилия на теле Киарама найдено не было, и смерть приписали параличу сердца, хотя никакими сердечными болезнями покойный никогда не страдал. При аналогичных же обстоятельствах умер и лорд Эдвард Гардингтон, богатейший пэр Англии, приехавший в Каир провести сезон.

Но вот что было странно: оба умерших, точно предчувствуя свою кончину, сделали за несколько дней до смерти завещания, которыми, в обход прямых наследников, оставляли свои несметные богатства: Киарам — испанской певичке Конхите Перес-и-Гальдос, а лорд Гардингтон — своему секретарю, молодому Дженкинсу.

Странные завещания вызвали всеобщее недоумение и негодование. Завещатели были в прекрасных отношениях со своими родственниками, и лишение их наследства являлось совершенно необъяснимым. Но... все было сделано на строго законном основании, и наследникам ничего не оставалось делать, как помириться с потерей громадных богатств.

Я, однако же, посмотрел на вопрос несколько глубже; меня поразило одно обстоятельство, неизвестное ни врачам, ни судебным властям, производившим следствие: певица Конхита и Дженкинс, секретарь умершего лорда, были членами «Ложы правой пирамиды».

Я прекрасно знал, что существует много способов отправлять на тот свет, притом способов, не оставляющих буквально никаких следов. Ты, конечно, слышал о так называемом энвольтовании, бывшем в ходу у средневековых

колдунов. Сущность его заключается в том, что на восковом изображении жертвы колдун сосредоточивал всю силу своей воли, направленной к причинению смерти намеченному лицу. Маги доброго старого времени объясняли это очень туманно, влиянием злобных лучей астрала заклинателя на астральное тело жертвы. Но наука последних дней откинула всю сверхъестественную часть этих объяснений. Опыты полковника Роша научно-экспериментальным путем доказали и объяснили возможность подобных явлений. В конце концов, это — психическое воздействие одного лица на другое.

Не так давно много шума наделал следующий опыт: была взята фотографическая карточка известного лица и над нею произведено внушение, чтобы у оригинала карточки выступила на руке экзема; и опыт удался; несмотря на то, что намеченное лицо находилось в другом городе, рука его во время производства опытов покрылась характерной экзематической сыпью. Болезнь была уничтожена точно таким же образом, путем внушения. Все народные поверья о вынудии следа, о заговорах на болезнь и смерть, подкидывании предметов для причинения несчастья — не являются простыми суевериями, а основаны на реальных данных...

Из сказанного можно видеть, что мои подозрения имеют под собой твердую почву; основной принцип уголовного сыска гласит: «*cui prodest*», т. е. в любом преступлении надо искать того, кому выгодно это преступление. Смерть Киарама и Гардингтона могла быть выгодна только «Ложе правой пирамиды»; вывод отсюда напрашивался сам собой. Я попал в шайку мошенников, — но в какую шайку?! Члены ее вооружены почти сверхъестественными знаниями, по крайней мере, с точки зрения повседневной науки, и потому бороться с ними пока еще невыносимо. И я являюсь простым, слепым орудием, а в будущем, может быть, и жертвой преступления! А Бесси Кроссвенор, моя любовь, женщина, которую я хотел назвать своей женой, неужели же она является членом этой шайки и сознательной преступницей? Все эти вопросы жгли меня, как раскаленное

железо. Необходимо было все это выяснить...

И я решил, не медля ни минуты, переговорить с Бесси.

Был двенадцатый час ночи, когда я отправился к ней. Время, не совсем удобное для посещения невесты, но в таком исключительном случае некогда было думать о соблюдении приличий.

Бесси жила в пригородной части Каира, в роскошной вилле, окруженной густым парком. Несмотря на мое жениховское положение, я бывал у Бесси довольно редко; она находила неудобными мои частые посещения и просила меня всегда предупреждать ее о моих визитах: «для того», — как объясняла она, — «чтобы избежать случайной встречи с кем-нибудь из ее приятельниц и помешать возникновению праздных сплетен».

Но я был так взволнован, что, отправляясь к Бесси для решительного объяснения, совершенно забыл предупредить ее.

Роскошный парк ее виллы был погружен в темноту. Целый ряд пересекающихся дорожек опутывал здание лабиринтом, сильно затруднявшим доступ к крыльцу; в густом мраке я пробирался почти наугад, руководясь огоньком, блестевшим в одном из окон виллы. Но, видимо, я все-таки заблудился и попал на какую-то прихотливо извивающуюся тропинку; тропинка эта привела меня не к вилле, а в самую глухую, заброшенную часть обширного парка; передо мной вдруг выросла непроницаемая стена спутанных ветвей и деревьев; в нерешительности я остановился, обдумывая, куда же идти теперь, — как вдруг услышал громкий разговор; собеседники были скрыты густой стеной зелени и, ничего не опасаясь, говорили неизменными голосами.

И я сразу же узнал эти голоса!

Мужской голос, голос де Ларош-Верни, говорил:

— Почва под нашими ногами горит. Пора спасаться. В истории с Киамаром и Гардингтоном мы, кажется, хватили через край. Боюсь, чтобы не напали на наши следы...

Женский голос, от одного звука которого я вздрогнул, отвечал:

— Пора... давно уж пора! Я устала от этой жизни вечных опасностей. Как хорошо зажить спокойной жизнью, никого не боясь, и смело показываться всюду, как муж и жена! Вечно притворяться, вечно разыгрывать чужую мне роль, слишком тяжело... — и в женском голосе задрожали слезы.

— Ну, Бесси, ну, милая моя женка, перестань... — нежно прервал голос маркиза. — Ведь ты знаешь, как все это случилось. Только из любви к тебе, из желания обставить, как следует, твою жизнь, создал я всю эту «Ложу правой пирамиды», посвятил много лет изучению скрытых тайн природы и, наконец, добился цели... Теперь мы богаты, сказочно богаты. Пусть это богатство досталось нам ценой преступлений, но цель оправдывает средства. Завтра последнее заседание «Ложи» и полная ликвидация дела. Что же касается...

Но продолжение разговора я не слышал. Голова моя закружилась, в глазах поплыл серый туман, и я без чувств упал на траву.

Сколько времени я пролежал там, не знаю. Когда я очнулся, уже брезжил рассвет. Разбитый нравственно и физически, я кое-как добрался до дома и стал разбираться во всем происшедшем!..

Итак, Бесси Кроссвенор была женой маркиза де Ларош-Верни!

Если бы я только мог передать тебе, какая злоба бушевала в моем сердце! Я был оскорблен и унижен! Из меня сделали жалкую, глупую игрушку чужих, преступных целей, разбили мою веру в оккультные знания, осмеяли мою любовь. И кто же сделал все это? Женщина, которую я слепо любил, которую хотел назвать своей женой и которая дала мне слово выйти замуж за меня, будучи женой другого...

«Отомстить!» — вот мысль, которая всецело овладела мною. Ты должен понять меня. Может быть, спустя некоторое время, успокоившись, я не поступил бы так, как поступил в тот момент, но все равно... дело уже сделано.

Через несколько времени после моего возвращения домой, я уже сидел в кабинете начальника каирской поли-

ции и подробно рассказывал ему всю мою историю. Я не упустил из вида ничего и иллюстрировал мой рассказ подробным планом правой пирамиды, ее входов и выходов, расположения внутренних покоев и добавил, что последнее заседание Ложи состоится сегодня ночью.

Решено было нагрянуть на заседание и накрыть все преступное сообщество. Я вызвался быть проводником полицейскому отряду, командированному в экспедицию. Но детально разработанный план в последний момент потерпел неудачу. Вернувшись домой от начальника полиции, я почувствовал страшный жар, лег в постель и... очнулся только через месяц. Оказывается, я заболел сильнейшей нервной горячкой: потрясение было слишком велико, и нервы не выдержали. Долгое время я находился между жизнью и смертью; когда же кризис миновал, я так ослаб, что еще изрядное количество дней должен был проваляться в постели.

IV.

То, что произошло в течение моей болезни, передаю тебе с чужих слов.

Полицейская облава не увенчалась особым успехом; отряд, посланный к правой пирамиде, запутался в лабиринте ее переходов и добрался до храма, где происходили заседания Ложи, уже тогда, когда птички упорхнули из гнездышка. Маркиз и Бесси исчезли бесследно; остальные члены ложи тоже успели скрыться. В руки полиции попался один только Солиман бен Аисса, которого задержали благодаря его жадности. В то время, как все участники заседания бежали, он замешкался в пирамиде, желая обыскать тайные хранилища Ложи в надежде найти там какие-нибудь забытые сокровища. Факир был одним из низших братьев Ложи, никаких тайн организации не знал и сообщить ни-

чего не мог; рассказ его касался, главным образом, истории со мной, так как тут Солиман принимал непосредственное участие. Как оказывается, «Ложа правой пирамиды» или, точнее, маркиз де Ларош-Верни обратил на меня свое внимание тотчас по моем приезде в Каир. Я являлся для них как нельзя более подходящим субъектом: мое богатство привлекало их жадность, мои знакомства и происхождение открывали мне двери в клубы и гостиные лучшего общества и, наконец, самое главное, я оказался очень поддающимся внушению. Опыт прокалывания щеки, произведенный надо мной Солиманом бен Аиссой, сыграл в этом отношении роковую роль. Факир, обладавший значительной силой внушения, несколькими пассажами подчинил мою волю и подготовил почву для дальнейших воздействий маркиза. Воздействия эти прежде всего сказались в том, что меня потянуло к азартной игре, где я так «счастливо» обыграл моих злополучных партнеров. Дальнейший план был гениален по своей простоте. Любовь и внушение (может быть даже, это одно и то же) должны были всецело подчинить меня влиянию Бесси Кроссвенор и побудить перевести тем или иным путем все мое состояние на ее имя...

О дальнейшей моей судьбе Солиман умалчивал, но о ней нетрудно было догадаться по судьбе Киамара и Гардингтона.

Итак, в деяниях Ложи были все признаки преступлений.

И все-таки дело было замято. Судебный процесс возбужден не был, и преступники даже не разыскивались. Во время бегства маркиз предусмотрительно обронил записную книжку, подобранную полицией. В книжке был подробный список всех членов Ложи: полиция прочла этот список и развела руками. В Ложе значились членами такие лица, что затеять против них уголовное преследование значило бы вызвать мировой скандал: столько представителей знатнейших фамилий всех государств были замешаны в подвигах Ложи!

Пришлось поневоле махнуть рукой на все, и не только махнуть рукой, но даже принять все меры к тому, чтобы де-

ло осталось в глубокой тайне. Внутренность Сфинкса была приведена в такой вид, точно в течение тысячелетий туда не ступала нога человека. И только несколькими людям известно, что не знаменитый ученый египтолог, профессор Рейснер, был первым, разгадавшим тайну молчаливого Сфинкса пустыни.

Впрочем, по многим соображениям, вообще было нежелательно, чтобы мир узнал эту тайну; дипломатия очень пугливая дама, и я нисколько не удивлюсь, если в один прекрасный день в газетах появятся статьи, доказывающие, что никаких храмов внутри Сфинкса не существует, что это обыкновенное каменное изваяние и что все слухи об открытии проф. Рейснера являются чьей-то не совсем приличной шуткой над почтенным ученым.

— История почти окончена, — заключил дядя свой рассказ, — но ты, конечно, вправе спросить меня, за коим чертом я вытребовал тебя по телефону.

Это ты сейчас поймешь.

Я сказал «история почти окончена», но не совсем. Вторая часть ее разыгрывается и в настоящее время.

Вот в чем дело.

Когда я поправился после нервной горячки, мне сообщили, что во время моей болезни какой-то неизвестный принес на мое имя письмо и посылку.

И вот что я там нашел.

Дядя на минуту удалился в соседнюю комнату и вынес маленький деревянный ящичек, который с большими предосторожностями поставил на письменный стол. Ящичек был очень изящной работы, с тонкой резьбой, инкрустированный перламутром. Место замка было залито эмалью в форме медальона, на эмали же красовалось художественное изображение очаровательной женской головки; таким образом, открыть ящичек можно было, только разбив эмаль и попортив портрет.

— Да, да... совершенно верно, это портрет, — по своей привычке, ответил дядя на мою мысль, — и ты, конечно, догадался, чей. Этот ящичек был мне прислан при следующей записке:

«На память о Бесси Кроссвенор. Никогда не расставайтесь с этим ящичком и не пытайтесь открыть его!»

— Последний совет, впрочем, излишен; у меня не хватило бы мужества разбить изображение той, кого я любил... и... что скрывать, люблю до сих пор, — с грустной улыбкой заметил дядя. — В этом ящике проклятие моей жизни. С того момента, как он появился в моем доме, несчастье и неудачи стали моими спутниками; все мои предприятия оканчивались крахами; ценные бумаги, находившиеся в моих руках, точно по какому-то таинственному приказу, падали на бирже; мне стоило вступить в любое дело, чтобы дело лопнуло.

«Это» заметили... распространились слухи, что я всюду приношу с собою несчастье... меня стали сторониться... И вот в результате — полная неурядица в моих денежных делах и продажа моего великолепного полтавского имения. Через две недели у меня будут деньги, и я внес бы долг, — но торги назначены через неделю... — Дядя в отчаянии потер лоб рукой.

— Ты можешь мне помочь. Я прекрасно знаю, откуда все эти напасти. Вот где причина и корень всех злоключений, — и дядя кивнул на ящичек.

Я с недоумением взглянул на него.

— Не понимаешь? Между тем, это очень просто. Тебе, конечно, известны такие ходячие фразы, как: «деньги к деньгам», «беда не ходит одна», «где были две смерти, там третьей не миновать», «коли везет, так уж во всем» и т. д. Все они устанавливают незыблемый закон: и счастье, и несчастье, как сильные магниты, обладают способностью притягивать однородные явления; счастье и удача притягивают удачу, — несчастье — неприятности и неудачу. Каждый человек, в зависимости от своего настроения, характера, склонностей, здоровья и психических данных испускает известные излучения — флюиды. Флюиды эти, невидимые простому глазу, тем не менее реально существуют, имеют определенный химический состав, определенные свойства и окраску.

Так, например, человек высоконравственный и благочестивой жизни испускает излучение голубого цвета, собирающиеся в виде ореола над его головой; этим и объясняется обыкновение изображать святых с нимбом вокруг головы; человек порочный, злой испускает пламевидное излучение бурого цвета; вот почему дьявола, отца зла, изображают сплошь да рядом окруженным языками пламени.

Эти флюиды создают вокруг человека известную атмосферу и, как химические вещества, могут быть сконцентрированы, собраны в одно место и путем известных операций превращены, ну, хотя бы в жидкость. Теперь представь себе, что произведена концентрация или, вернее, конденсация флюидов какого-нибудь несчастного «Макара, на которого валятся все шишки». Получится жидкость, экстракт несчастья, обладающий свойством притягивать всевозможные беды и неприятности на голову того, кто будет владеть этой жидкостью. Проникая сквозь мельчайшие поры, она окутает жертву атмосферой постоянной неудачи, и только огонь, один священный, всеочищающий огонь может уничтожить это проклятие. И я убежден, что в этом ящике...

Внезапная мысль, как молния, пронизала мой мозг.

Не дав дяде закончить его слова, я схватил тяжелое пресс-папье, лежавшее на столе, и изо всей силы ударил по эмалевому медальону ящичка. Эмаль треснула, мелкие осколки брызнули в разные стороны, и над портретом Бесси Кроссвенор обнаружился шпенек.

— Боже мой, что ты сделал! — в ужасе воскликнул дядя.

Я нажал шпенек. С глухим стуком отскочила крышка ящичка; на его дне лежал небольшой граненый флакончик с жидкостью чистого изумрудного цвета. Здесь же лежала записка, на которой было написано крупным, размашистым почерком: «Предателю — предательская месть. Ложка правой пирамиды».

— Я так и думал! — воскликнул дядя, в отчаянии опускающаяся в глубокое кресло.

Схватить ящичек со всем содержимым и швырнуть его в огонь пылавшего камина было для меня делом одного мгновения.

Хрустальный флакончик со звоном ударился о металлическую решетку, разбился и упал в пламя; несколько капель брызнули на мой сапог, все же содержимое флакона вылилось и, извиваясь змейкой, потекло по горящим головешкам. Огненные языки вспыхнули и непроницаемой стеной сомкнулись над роковым ящичком.

Дядя сидел неподвижно, устремив взгляд на огонь.

— Ну, вот и кончено, — весело сказал я, подходя к дяде.

Ответа не последовало.

В испуге я наклонился к нему и убедился, что дядя лежит в глубоком обмороке.

Около двух часов пришлось нам с лакеем провозиться над дядей, пока он вернулся к сознанию. Но потрясение было слишком сильно, и я уговорил дядю не вставать с постели, тем более что был уже первый час ночи.

— Наконец-то, наконец-то я избавился от этого кошмара, — прошептал больной, пожимая мне руку. — Спасибо тебе, дорогой; ты оказал мне услугу, которой я никогда не забуду. Сам я не был бы в состоянии это сделать. Во-первых, у меня не поднялась бы рука на портрет, а во-вторых... во-вторых, я только теперь понял, что записка, при которой был препровожден ящичек, заключала в себе заочное внушение: вот почему я и не мог расстаться с ящичком. Но внушавший упустил из вида одно: он не запретил мне рассказывать другим обо всем, что меня мучило, и это-то спасло меня! А прежняя сила внушения была уничтожена нравственным потрясением от вероломства Бесси, любовь и жажда мести победили гипноз. Еще раз спасибо тебе.

Покинуть дядю в таком положении я не считал возможным и остался сидеть у его постели. В разговорах, за рюмкой хорошего вина, которое велел подать дядя, время летело незаметно; случайно взглянув на часы, я к удивлению увидел, что уже половина пятого.

Как раз в этот момент в передней раздался сильный звонок. Лакей подал дяде телеграмму. Лихорадочно вскрыв ее, дядя пробежал глазами написанное и, откинувшись на подушку, прошептал: «Спасен!»

Телеграмма была от управляющего полтавским имением

и гласила: «Сегодня в первом часу ночи скоропостижно скончался ваш кредитор. Торги откладываются до исполнения необходимых формальностей».

— Вот уже и результаты, — обратился ко мне дядя. — Счастье повернулось ко мне лицом. «Исполнение необходимых формальностей»! Это значит, по крайней мере, месяц; а к этому времени у меня будут уже деньги, и полтавское имение не уйдет в чужие руки.

Влияние «эликсира несчастья» прекратилось.

Я оставил дядю в самом радостном настроении.

Уже рассвело, когда я вернулся домой. Торопясь подняться по лестнице, я споткнулся, упал и сломал себе ногу, именно ту ногу, на которую брызнули несколько капель изумрудной жидкости. Это было последним проявлением ее роковой власти.

.

Теперь я хромаю. Конечно, это очень печально, но моя печаль умеряется тем, что мне не приходится трудиться из-за куска хлеба и дрожать за свое будущее. Дядины дела в блестящем положении. За свою сломанную ногу я получаю от дяди крупную пенсию и знаю, что в его завещании я значусь единственным наследником его огромного состояния.

Ни о маркизе де Ларош-Верни, ни о Бесси Кроссвенор, ни о Солимане мы больше ничего не слыхали, но я глубоко убежден, что многие таинственные, нераскрытые преступления последнего времени совершены при благосклонном участии братьев «Ложи правой пирамиды».

Примечания

Включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Биографические сведения о В. Мазуркевиче собраны В. Окуловым.

В. Келер. Браслет Изида

Впервые: *Нива: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения*. 1913, № 7-8. Позднее в авторском сб. «Браслет Изида» (СПб., 1914). Печатается по журнальной публ.

Владимир Константинович Келер (Келлер, 1856-1919) – дворянин, надворный советник, предприниматель, писатель. Состоял членом правления ряда коммерческих обществ, учредителем и акционером о-ва «Электропередача». В 1911-1918 гг. опубликовал в журн. *Нива* и *Новое время* ряд рассказов и небольших повестей, в основном мистико-фантастического и оккультного толка, частично включенных также в авторские сб. Автор книг «Брат Генрих: Масоны наших дней» (СПб., 1911), «Песнь, живущая в замке» (СПб., 1912) – обе под псевд. В. К-ъ, «Браслет Изида» (СПб., 1914), «Глаза зверя» (Пг., 1916).

В. Мазуркевич. Ложа правой пирамиды

Впервые: *Мир приключений*, 1914, № 2.

Владимир Александрович Мазуркевич (1871-1942) – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, был присяжным поверенным и стряпчим. Печатался с 1885 г. автор сборников стихов, водевилей и монологов. В 1904-1906 гг. играл на сцене, в 1910-х увлекся оккультизмом, читал на эти темы лекции. После революции пе-

чатался в журн. *Бегемот*, выпустил несколько книг для детей. Умер во время блокады Ленинграда. Помимо «Ложи правой пирамиды», опубликовал в *Мире приключений* фантастические рассказы «Мотофозо» (1916) и «Последняя партия» (1928).

Оглавление

В. Келер. Браслет Изида	5
В. Мазуркевич. Ложа правой пирамиды	35
П р и м е ч а н и я	71

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.